

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

АЛИСА ЛОЙСТ

СВЕТЛЯЧОК
Для
ЛЕТУЧЕГО
ГОЛЛАНДЦА

Алиса Лойст

**Светлячок для
Летучего Голландца**

«Автор»

2019

Лойст А.

Светлячок для Летучего Голландца / А. Лойст — «Автор», 2019

Светлана возвращается из отпуска и находит в своей квартире корзину цветов и записку со словами "Очень соскучился по тебе, мой Светлячок"... Приятный подарок, скажете вы. Возможно, если это не игра, затеянная неизвестными, чтобы поймать его - мужчину ее жизни. Во всяком случае, ей так казалось до недавнего времени. Незнакомца, как ураган когда-то ворвавшимся в ее жизнь. Он так же редко появляется, как и Летучий Голландец. Так же загадочен. И поэтому желанен. Судьба помогает ей разобраться в своих желаниях. Бандиты охотятся за ним и за ней тоже. Светлана решает поломать чужую игру и не быть больше пешкой. Но, когда к твоей голове приставлен пистолет, ты начинаешь понимать, что для тебя на самом деле важно...Содержит нецензурную брань.

© Лойст А., 2019

© Автор, 2019

«И она не спросила, кто я такой,

И с чем я стучался к ней;

Она сказала: "Возьми с собой

Ключи от моих дверей»...

...И она не спросила, куда я ушел,

Северней или южней;

Она сказала: "Возьми с собой

Ключи от моих дверей."...

...И когда я решил, что остался один

Мой джокер среди их козырей,

Она сказала: "Возьми с собой

Ключи от моих дверей»...».

(группа «Аквариум»)

Такси остановилось рядом с подъездом, и я с трудом приоткрыла слипающиеся глаза. Поезд прибыл в два часа ночи, прибавить к этому перелет, время ожидания на вокзале и получается чуть более суток без сна.

Черт возьми! Как же хочется спать!

Отпуск прошел отменно. Все было отлично! Отель – не помню, сколько звезд – у самого моря, минут десять ходьбы. Стильно и со вкусом обставленные номера, а не просто набор мебели. Чистота, вышколенный персонал.

Жара, пляж, легкий ветерок с моря, что развеивает мое парео. Ох, это было классно! Я как очумелая бегала взад-вперед по берегу, поднимая кучу брызг и приводя в изумление других отдыхающих. Вроде взрослая тетенька, а резвится, как маленький ребенок. Ну и что?

Да, взрослая, тридцати двух лет от роду. Но как можно отказать себе в таком удовольствии? И думать о том, как на тебя посмотрят, какие мысли придут другим... Скука и только. Я же впервые за рубежом!

Отказать себе в этом самом главном удовольствии – радоваться. Просто так. А я была в бурном восторге. И все еще не отошла от полета, преодоленного пути и мандража.

О, да! Отпускной рай на неделю!

И ничто мне не помеха. Даже хмурые, озадаченные, прибалдевшие и еще Бог знает, какие взгляды.

Старалась ничего не упустить ни моря, ни солнца. Заходила в магазинчики, все трогала, мерила, подолгу разглядывала старинные здания. Фоткалась с каждым деревом и кустом, скамейкой и т.д.

Ведь все пролетает так быстро. Вот и неделька эта пролетела незаметно. И возвращаешься в родной город, как с другой планеты.

Не хочется думать о насущных, каждодневных делах, которыми придется заниматься уже завтра с утра.

Нет, не с утра. Два часа ночи, как ни как. До обеда спать. А потом дела. А хочется, чтобы эйфория длилась вечно.

Хрусткие тонкие простыни, занавеска развивается, пропуская в номер теплый порыв воздуха, пахнущего соленым морем и сладкими фруктами. Ничего не делать. Не думать о работе, о том, что приготовить или не готовить, а плюнуть в который раз на здоровый образ жизни и фигуру – купить китайской лапши или пиццы. Или кошмар всех девушек из спортзала – набор пирожных или маленький такой, малюсенький на одного тортик. Не думать, что надо готовиться к маминому дню рождения, осторожно выпрашивая, что же она хочет. И еще целой куче и маленьком вагончике всякой всячины...

Голова немедленно отозвалась ноющей болью. Отличненько.

Протяжно зевнув, закрылась ладонью от водителя, хотя ему было честно и абсолютно плевать. Он уже выходил из машины, чтобы достать мой чемодан и сумку. Я тоже поспешила подобрать свои косточки и вытащить их на асфальт. Еще немного еще чуть-чуть.

Видно уже дверь подъезда. Лифт, сонно тренькнув, спустился ко мне и недовольно кряхтя, поднял на пятый этаж. Ну, что тут поделать? Такая у тебя работа возить туда-сюда всех, в том числе и в неурочный час.

Каблуки громко процокали по плитке. Как-то очень звонко и не тактично по отношению к соседям, мирно спавшим в своих постелях.

И зачем я их надела? Босоножки были на небольшом каблуке, удобные, разношенные, но все равно ноги в них жутко устали и опухли. Хотя, даже если бы надела кеды, все равно было бы то же самое.

Олег, посмотрев на них, пренебрежительно усмехнулся. Но положив руку на сердце, это была его реакция на все в этой жизни. Начиная от событий, прочитанных в утренней газете и заканчивая моими босоножками. Когда я бегала по пляжу с развивающимся за спиной цветастом парео, он как раз читал газету, лежа в шезлонге под зонтиком. Лицо было закрыто, но уверена на сто процентов ухмылка имела место.

Подобное невозмутимое хмыканье было основным выражением его жизненной позиции – мол, я крутой, умудренный жизнью, устоявшийся, состоявшийся и еще черт знает какой.

На счет «состоятельного» спорить не буду. Но тут тоже с чьей колокольни смотреть. С моей – не особо высокой – да. Владелец завода, сети магазинов и еще чего-то. Мужчина чуть за сорок. Среднего роста, светло-русые, прямые, густые волосы, глубоко посаженные глаза, хмурые, всегда чуть сдвинутые друг к другу кустистые брови, нос с горбинкой и узкие губы. Сухощавый, поджарый. Вот такие исходные данные.

Очень даже ничего.

И он искренне считает, что иметь в любовницах журналистку вполне престижно и по статусу. Вроде как не дура молоденькая, что-то говорю, что-то даже понимаю.

Я не возражаю. Меня все это изрядно веселит вот уже – дай Бог памяти, сколько же? – два года. Но как-то все меньше и меньше.

В который раз, со вкусом зевнув, порылась в сумочке и достала ключи. Дверь открылась, пропуская в уютное пространство родного домика. Прямо напротив входа висело зеркало. Увидев отражение, улыбнулась себе:

– Привет!

Этот замечательный момент – возвращение домой!

Присев на чемодан, стащила босоножки и протяжно вздохнула. Ура! Каблуки сняты, я дома, сейчас приму душ, разберу постель и вырублюсь часов на десять.

Глаза слипались сами по себе. Стало понятно, что еще немного и засну прямо на чемодане, привалившись к стене. Потерев их, встала и поплелась в ванную. Ругнулась, вернулась к сумке и достала косметичку с банными принадлежностями. Потом, не включая свет, зашла в комнату и достала полотенце с полки. Теплые струи, бьющие прямо в лицо придали хоть немного бодрости.

В зеркале отражалась моя розовая физиономия и ванная во всей красе. В прошлом году Олег уговорил меня сделать ремонт в квартире. Подозреваю, потому что не по статусу его любовнице жить в такой «закухонной» двушке. А я только «за». И совсем не против. Теперь у меня здесь персиковая плиточка, круглый светильничек над раковиной, мягкий свет, все удобно, аккуратно и круглый коврик.

Смазав лицо и ручки кремом, чуть-чуть похлопала по подбородку, немного прошлась по лицу и поплыла в сторону кухни. Все-таки выпью чаю. Раз силы появились.

Проходя мимо гостиной, я приостановилась. В темноте в ее очертаниях мне почудилось что-то странное, необычное. Быстро нащарив рукой выключатель, щелкнула по нему.

Сердце ненадолго остановилось, но вскоре снова продолжило свою работу, как обычно. Никакого вора или маньяка поджидающего свою ничего не подозревающую жертву в темноте. Нет, всего лишь букет цветов. Впечатляющих размеров в корзине.

Попялившись на него несколько секунд, поняла – это не мираж и никаких глюков. Странно.

Это точно не Олег. Мы с ним недавно расстались и вообще на него не похоже. Романтика и все такое. Особенно подобных размеров. Букеты строго по праздникам и когда идем в ресторан. И ключей от квартиры у него нет. Запасная связка есть только у Любки, подруги жизни. Но она не станет дарить мне букеты цветов по поводу возвращения из отпуска. Это глупость несусветная.

Тут поток моих мыслей немного прервался, так как на журнальном столике был замечен конверт. Простой такой белый конверт. Учитывая пышность подношения, я бы не удивилась, увидев что-нибудь более помпезное, отделанное бархатом, с золотым теснением, вензелями и печатью...

Что за глупые фантазии лезут в голову? Наверное, от недосыпания.

Присев на столик, и сложив ногу на ногу, немного поболтала одной в воздухе, с сомнением поглядывая на белый, бумажный квадратик.

Я уже примерно представляла от кого могут быть цветы и конвертик. Но были большие сомнения, хочу ли открывать. Читать послание. «Любопытство сгубило кошку».

– И не только ее...

Пробормотала себе под нос.

Ничего особенного не было в том послании:

«Очень соскучился по тебе мой Светлячок».

Светлячок – это я. Зовут меня Светлана. До сих пор млею от этого. Дура, дурой. Эх, ничему жизнь не научила.

Вытянув один нераспустившийся еще бутон из букета, ушла на кухню. Пошарив в шкафчике, нашла мяту и еще какую-то травку, заварила. Розу почти не выпускала из рук. И легонько поглаживала ее шелковыми, мягкими лепестками по лицу и шее. Такие приятные ощущения. Даже эта роза навевала воспоминания, не к ночи помянутые и волнующие...

Этот человек появлялся в моей жизни не часто, где то с интервалом в полтора-два года. Любаня – подруга всей жизни и верный товарищ – прозвала его Летучим Голландцем. Сходство есть, с легендой я имею ввиду.

Существует много вариантов и интерпретаций. Но мне запомнилась прочитанная в книге «Легенды о мореплавателях», которую моя двоюродная сестра купила своим детям. Они ее благополучно забросили в угол, не читая, лишь пролистав картинки. Легенда о Летучем Голландце корабле-призраке и его капитане изложена там, в пересказе Кэтрин Сторр. Очень душещипательно и мелодраматично.

В одном из портов жила была девочка. И в одну штормовую, страшную ночь увидела она корабль, приставший к берегу. Старинный, с драными, повисшими безжизненно парусами

и матросов усталых и унылых. Увидела капитана судна и влюбилась. Наутро, узнав историю проклятого корабля и капитана, решила, что подождет десять лет и попробует снять заклятие, предложив себя в жены капитану. Дождалась-таки.

Надо отметить, что составители книги или автор подстраховались и в конце истории написали, что не известно сняла девушка заклятие или нет.

Как и девчужке из этой истории, мне казалось, что я такая вся особенная и смогу снять с него злые чары и тому подобное. Но думается дело не в излишнем романтизме или несметном количестве перечитанных романов о любви сбивших ориентир в реальности. А просто в нашей женской сущности. Где-то глубоко внутри мы свято верим: «Он изменится». Или вариация еще лучше, которой страдала я: «Я сумею его изменить». Себя-то не могу изменить, а тут другого человека.

С последней нашей встречи прошло чуть более двух лет. Тогда мирно провести недельку или две вдвоем у нас не получилось. Он все время звонил куда-то, был раздражителен. Хотя время от времени возвращался в свое обычное блаженно-дурашливое состояние. Этаким приятный, незатейливый, добродушный рубаха-парень и бабник. Мы отдыхали на базе в километрах пятидесяти от моего города. Неплохой деревянный домик со всеми удобствами. Прогулки по лесу, катание на лошадях. Я, тихонько повизгивая от страха, все-таки взгромоздилась на животное. Оно в отличие от меня отнеслось к процессу совершенно равнодушно. И с опаской восседая на нем, смотрела, как он лихо взлетает в седло.

Потом следующий пункт программы озеро и лодка. Очень романтично. На фоне розово-красного живописного заката все было классно. Особенно мой спутник нежно улыбающийся и тихонько перебирающий веслами.

Я всматривалась его профиль и думала о том, как же нам повезло на самом деле. Ученые уверяют, что любовь живет три года. А у нас встречи редкие, но яркие. Не успеваем надоесть, устать, задолбить взаимными претензиями, разговорами о проблемах, выяснениями отношений.

Каждый его приезд – переход в параллельный мир, сказку, фантастический фильм. Однажды утром лет пять назад, я, как обычно встала с утра, оделась, позавтракала, словом сделала все обычные дела, вышла на остановку. А напротив ракушки, в которой стоят люди в ожидании автобуса, располагался всегда рекламный щит. Но в этот раз вместо обычных слоганов – наша паста самая лучшая или полуголых девушек с бензопилами в нежных ручках – на нем разместилась моя фотография. И ставшая уже привычной и не потерявшая от этого притягательности фраза:

«Я соскучился, мой Светлячок!»

Вот так вот.

– Ты очень живописно выглядишь на фоне заката и темного леса.

– Спасибо.

И улыбнулся, но как-то вяло. По опыту знала, что выспрашивать о проблемах нет никакого смысла, все равно не расскажет. А пятые сутки делать вид, что млеешь от романтических прогулок и красот, надоело. Нет, не жалуюсь. Все было фантастично, как всегда. И ужин в саду, где были разбросаны в траве множество маленьких фонариков, похожих на светлячков. Все на уровне.

Я это очень ценю. И его тоже. Он таков, хотя знакомы мы уже были на тот момент лет одиннадцать. Среднего роста, плечистый – божился, что занимался самбо или еще какой-то борьбой – красивые, правильные черты лица, высокие скулы, большие зеленые глаза, чуть вьющиеся темные волосы, не сильно пухлые губы, но нижняя чуть больше. И мой любимый подбородок – просто обожаю – квадратный, немного скошенный, очень брутальный, мужской. Все вместе выглядело просто сногшибательно и сводило с ума многих женщин, в том числе и меня.

«Мой необъяснимый

*Мой неуловимый
Летучий Голландец Любви...»*

Да, неуловимый и необъяснимый.

Перебравшись в лодке поближе к нему, устроилась напротив и положила ладони на его стиснувшие весла кулаки.

– Давай уедем?

– Почему?

В глазах настороженность и сосредоточенность на мне – наконец-то! Вздохнула, хороший вопрос почему.

– На чистоту, как обычно?

– Конечно.

Мы старались придерживаться правила – говорить как есть, а не приукрашивать, или удерживать при себе, что рвется наружу, тем более не врать, так сказать, дабы не задеть чувства и т.д.

– Ты не со мной сейчас. Я понимаю, что у тебя дела, бизнес, мало ли, что еще. Тогда поделись со мной.

Он отвел взгляд.

– Нет, не поделишься, так можно понимать? Это тоже, как обычно. Тогда извини мне мой каприз. Я хочу вернуться в город. Устала пятые сутки изображать присутствие нас двоих. Тем более что побыть вдвоем нам редко удается.

– Я понимаю. Но у меня проблемы сейчас, не хотелось бы сваливать их на тебя. Это нечестно и неправильно.

– И не надо. Я предлагаю просто поделиться ими. Рассказать о наболевшем. Глядишь, полегчает и проблема, высказанная вслух, может оказаться не такой уж и проблемой.

На лице его расплылась залихватская улыбка.

– Знаешь, от чего мне полегчает?

Соблазнительно. Но не теперь, когда мне тридцать, хочется уже хоть малюсенькой доли определенности. Раньше я бы с восторгом повелась на эту провокацию и вспомнила о том, что спрашивала только после того, как его фигура исчезла бы на горизонте.

– Знаю, – тоже улыбнулась, наверное, не так аппетитно, но все же. Губы его потянулись к моим, но в последний момент резко отдернулась назад, он чуть не потерял равновесие и не клюнул носом в мои коленки. Потом встала и пересела на свое место. – Гребь к берегу, капитан.

– Злючка.

– Спасибо за комплимент.

До берега мы молчали и не смотрели друг на друга. Водная гладь с мелкой рябью привлекала меня гораздо больше, успокаивала, завораживала. Ни злости, ни обиды, ни сожаления. Ничего. Похоже, я сама стала Летучим Голландцем, все шатаюсь туда-сюда по морю жизни и никак к берегу пристать не могу. Дурной пример заразителен.

Теплая, сильная, такая родная, ласковая рука помогла мне выбраться из лодки. Взгляд зеленых глаз опять ускользал.

– Ты действительно хочешь вернуться в город?

– Да.

– Хорошо.

«А чего ты хотела, милая? Чтобы отговаривал? Уверял в том, что ты ему очень важна и только тебе он может доверить свои беды, в вечной любви, преданности (сомнительно на счет преданности, да и не так важно)? Пал к ногам? Этого хотела? Ради этих заверений и успокоения твоей души опять на ближайшие года два, что ничего менять не надо и так хорошо, была вся сцена поставлена. Вот тебе кукиш с маслом!»

Конечно, нет. Перед собой можно не юлить. Такую сцену я устроила один раз. Не подстраивала специально, потому что подгадать его приход было невозможно, само получилось. Как в плохом анекдоте, муж пришел, а там любовник в постели. Но мужа у меня нет. И оправдываться тогда было глупо. Вообще все было глупо, что сказать – приходи попозже, я тут чуть занята? Ушел, зыркнув глазами. Но мы не предъявляли претензий, не били посуду, не орали. Просто поговорили, что оба свободны...

Но надежда, она, же живучая, как таракан. И прибить ее трудно, прячется, занывается, к дихлофосу привыкает и не убивается. Все ждешь, надеешься. Приедет к тебе среди ночи замученный, усталый, позовет с собой неважно куда, зачем, главное, что с ним, навсегда рядом с ним. И можно не юлить перед собой!

*« Позови меня с собой,
Я приду сквозь злые ночи,
Я отправлюсь за тобой,
Чтобы путь мне ни пророчил.
Я приду туда, где ты
Нарисуешь в небе солнце,
Где разбитые мечты
Обретают снова силу высоты».*
Позови и побегу. Только позови.
Правильно говорят – бабы дуры!

Вот и живу с роем тараканов. Получаю, что дают, а именно – удовольствие здесь и сейчас. Либо это, либо едешь домой. Сейчас я, в самом деле, хотела домой, как ни странно впервые за эти годы, и чувствовала облегчение от этой мысли.

Мой герой, погруженный в собственные мысли, шел по дорожке к нашему домику. Потом вдруг резко остановился и перегородил дорогу, развернувшись ко мне лицом. От неожиданности впечаталась в него и чуть не упала.

– Что случилось? Вспомнил, что утюг не выключил?

– Нет...

Задумчивость его в этот день вызывала легкую панику.

– Сколько мы знакомы?

– Одиннадцать лет, – ответила без запинки. Счетоводство это вообще моя любимая тема. Не мудрено все эти годы в подсчетах – ну, вот еще месяц, уже полгода прошло! – еще немного и он появится.

– А что такое?

– Ничего.

Неладно что-то в нашем королевстве. Обычно с поддержанием диалога у него проблем не было. Даже наоборот, обычно это я молчу, слушаю, внимаю. Впитываю каждое слово и мгновение с ним.

– Тогда пойдем, а то еще вещи собрать надо.

Обошла его по кругу и оставила стоять там. Не знаю, какие проблемы стряслись в жизни этого дорогого мне мужчины, но, если не могу участвовать, то предпочитаю не мучиться от бестолковых мыслей и не задавать вопросы в пустоту.

Ждать стало неинтересно, пропал запал или еще что-то. Не могу объяснить и даже сама до конца понять. Я так же приму его, как и всегда, если появится в моей жизни. Он лучший мужчина для меня.

НО...

Эти яркие моменты не единственно важны во вселенной. Совсем нет. Люблю всей душой, желаю, слушаю, принимаю. Но иду своей дорогой, не останавливаясь на поворотах и поджидая. Хочешь – присоединяйся. Не хочешь – извини, у меня свои планы.

Такому отношению к жизни и происходящим в ней событиям мой Летучий Голландец сам меня научил. Точнее учил все эти годы. И наконец, до меня дошло – сегодня. Замечательный, знаменательный день! Надо отметить в календаре красным цветом.

Погодка была теплой, солнечной не смотря на то, что была середина августа. Я шла, чуть щурясь и от ослепительной летней яркости и от удовольствия, что удалось на несколько дней вырваться из душного, запыленного, загазованного города. Сосны шумели над головой. Домики были расположены достаточно далеко друг от друга и так, что создать уединение для каждой группы отдыхающих, будто вы тут совсем одни. И ничего не отвлекало от местных красот.

Комната, что была отведена под спальню, выходила окнами на солнечную сторону. Здесь воздух нагрелся так, что нечем было дышать. Распахнув окошко, достала из шкафа свою спортивную сумку и задумалась. Может принять душ? Нет, приеду домой и тогда. Вещей было немного, они заняли лишь половину места. Два платья так и не были надеты. Ну и ладно, найду, куда их выгулять.

Сосредоточенная только на том, как не забыть мелочи, что обычно разбрасываю везде, шагов не слышала. Только почувствовала, что он в комнате. Смотрел, мрачно насупив брови, и явно был недоволен.

– Ты, в самом деле, уезжаешь?

– По-моему я выразила свое намерение очень четко.

– Подожди, останься еще на пару дней.

Кинув в раскрытые недра расческу, остановилась, села на кровать спиной к нему, выглянула в окно. Красотища. Слышно, как стрекочут насекомые, порывы ветра выдувают светлый тюль штор, где-то далеко слышны веселые голоса детишек.

Что тебе еще надо? Все отлично. Вроде.

Просто в этот раз искренности маловато. С моей стороны или с его? Непонятно, разберусь потом, не сейчас. Раньше на все было наплевать – он приехал! Взрыв эмоций, веселье, желание, буйство! Все цвета радуги! Я не знала до него, что можно быть такой счастливой, такой наполненной светом, живой, воспринимающей каждую мелочь, как подарок. Дождик пошел – замечательно! Давай пробежимся под дождем, это же так романтично. Будем целоваться на улице ведь никого...

Что-то меня опять понесло в воспоминания. Надо возвращаться в сегодня.

Обошла кровать и, обняв за плечи, положила голову ему на грудь. Как хорошо, спокойно, уютно. Наверное, где-то на небесах специально создали нас, подлаживая друг под друга – его могучую грудь и мою голову.

– Нет. Еще раз прости за каприз, но я хочу уехать.

– Почему?

– Ты уже получил ответ.

– Это не ответ.

– Хорошо не ответ. Не знаю, как еще объяснить, если ты сам не чувствуешь. Но я все равно уезжаю. Ты меня отвезешь или вызвать такси?

– Конечно, отвезу. Раз так...

– Спасибо.

И подняла глаза. Все же что-то серьезное у него стряслось. За внешним спокойствием внутри глаз плескалось беспокойство, отчаяние, боль, неуверенность, страх. Что с тобой?

Погладила ладонью по щеке нежно, легко, как успокаивают ребенка. Он поймал ее и, повернув, поцеловал запястье, пощекотал его губами.

– Перестань.

Бесполезно. Губы уже на моих губах, сметают любое сопротивление. В поцелуе такое неистовство. Руки мнут, прижимают, пытаюсь вдавить в тело еще больше, глубже в стальные мышцы.

«Куда меня несет?».

Мысль прервалась. А куда меня несут и так понятно – на кровать. Сумка свалилась с глухим звуком на пол, покрывало в сторону. Оторваться от меня он не мог, платье на груди просто порвал, пытаюсь до нее добраться. Ну и ладно. Воздуха не хватало, и было слышно тяжелое, прерывистое дыхание. Хорошо бы сейчас кислородную маску.

В школьные годы мы баловались одной игрой. Становишься к стене, кто-то из ребят постарше скручивает в жгут свою футболку и сдавливает тебе горло, пока ты не отключаешься. Эх, какие занимательные картинки можно было увидеть во время этого самого «отключения».

Сейчас я ощущала то же самое – полное отключение от реальности. Перед глазами плывут разноцветные круги. Напряжение в теле почти не чувствуется до момента фейерверка.

Да с ним у меня всегда так. Или почти всегда, врать не буду.

Придя в себя через пару минут, понимаю, что скрюченными в судорогах пальцами все еще вцепляюсь в его спину. Выдыхаю, расслабляю руки.

На моих бедрах похоже тоже останутся синяки. В данный момент мне все равно, хочется лежать так вечность.

Проснувшись от того, что затекли руки и ноги, мы все еще лежали в обнимку. За окном все та же красотища. Только солнце переместилось и уже не заливает комнату ярким, желтым светом. Все спокойнее, ветер стих и чуть колышет занавеску. Осторожно подпихнув его, начала выбираться с кровати. Тело онемело, покалывало, голова гудела. Свесив ноги с кровати, осмотрела себя.

– Черт.

Платье безнадежно испорчено. А жаль, только этим летом купила, надевала всего пару раз. Размяв задеревеневшие руки и шею, ушла в ванную. Долго стояла под теплой водой, потом резко включила холодную, затем опять потеплее. Собрала свои пузырьки с парфюмерией и вернулась в комнату.

Рубашку он снял и теперь сидел в расстегнутых штанах на краю побоища и перебирал в руках лоскутки ткани.

– Извини. Я не хотел. Купим тебе новое.

– Не бери в голову. Одежда – это ерунда.

И забросила в сумку бутылки, что держала в руках, запихала кое-как полотенце. Потом вспомнила, что ехать мне уже не в чем, покопалась еще немного. Все равно внутри кавардак, после падения. Вытащила шорты и футболку, быстро напялила. Так, очки. Где они? На тумбочке. Их за ворот.

На той же тумбочке стояла трубка телефона и рядом памятка, по какому номеру звонить администратору.

– Здравствуйте! Можно ли заказать такси до города? Да. Я подойду к главному зданию. Спасибо, жду.

Голая спина напряглась. Я пристроила трубку обратно в гнездо.

– Все же уезжаешь?

Хотелось захохотать, но подавив этот порыв в зародыше, кашлянула и попыталась успокоиться.

– А ты думал, если помнешь меня немного на кровати, то я смягчусь и останусь?

Он хмыкнул, показывая, что оценил шутку, но как-то безрадостно.

– Нет. Но хотя бы подумаешь о некоторых плюсах пребывания здесь.

– Извини. Я не хочу еще несколько дней пыжиться и изображать радость и эйфорию.

– Изображать? Совсем недавно ты ничего не изображала и я тоже.

– Тогда тебе нужно пообещать мне очень насыщенную программу на оставшееся время. И интенсивную не в плане телефонных переговоров приглушенным голосом. Такую, чтобы я вообще не успевала ни о чем думать. Сможешь?

Наконец повернулся ко мне.

– Когда ты стала такой?

– Какой интересно? Но могу тебя утешить, я всегда была такой.

– Нет, не всегда. Еще в прошлый мой приезд ты была более мягкой, открытой... Что случилось? Или изменилось?

– Наверное, климакс начался. Стоит начать поиски более молодой подружки.

– Бред какой-то. Твои шутки сейчас неуместны и несколько не смешны.

– Жаль, раньше ты высоко ценил мое чувство юмора. Но, на счет новой подружки, я как раз и не шутила. Просто с возрастом женщины утрачивают иллюзии и соответственно мягкость, открытость и иные положительные качества.

– Все с возрастом утрачивают иллюзии. И я вроде бы никогда не пытался создать их.

– Нет, не пытался. Я и без тебя отлично справлялась с этим.

– В прошедшем времени?

– Да. В прошедшем. В чем проблема? Я, можно сказать, делаю тебе одолжение, не напрягая своими фантазиями и всем остальным...

Покачала головой, отвернулась и поставила сумку к выходу. Потом вернулась и присела перед ним на корточки.

– Что случилось? Что произошло, расскажи мне?

Взяла его за руки, стиснула пальцы. Молчание.

– Одиннадцать лет тебя знаю и вроде бы и не знаю одновременно. Даже сколько тебе лет.

– Разве паспортные данные это так важно?

– Я для примера. Обычные вещи, которые люди узнают друг о друге, – заглянуть в глаза невозможно, голова опущена. – Да я многое знаю. Как ты спишь, на каком боку. Какой рукой накрываешь мою грудь, какой ногой придавливаешь ноги. Какую любишь музыку, еду. Как улыбаешься, звук твоего смеха. Я все это обожаю. Даже, как хмуришься, или злишься...

– И что? Не можешь побыть со мной, когда я приехал? Мне это очень нужно сейчас.

– Я вижу. Скорее даже чувствую. Но хотелось быть бы не просто мягким медвежонком, к которому обращаются, когда хотят развлечься или поплакаться.

Он вскинулся и сжал в ответ мои пальцы.

– Это не так. Совсем не так. Ты много значишь в моей жизни.

– Так возьми меня в свою жизнь.

Молчание, взгляд опустел.

– Вот и я о чем.

Встала и поплелась к сумке.

– Ты любила меня? Или я просто для тебя развлечение. Отвлечение от серых будней. Плейбой. Тот о ком с придыханием можно рассказывать подружкам: «Он такой...». Закатывать глаза и хвастаться бурными выходными.

В глазах потемнело. Если бы в ту секунду мне вложили в ладонь пистолет, я не раздумывая, нажала бы на спусковой крючок и застрелила. Просто такой боли он еще не причинял. Намеренно. В этих словах сквозило столько злобы.

«Раз, два, три – досчитай до десяти – четыре, пять, шесть, семь. Как же больно, Господи – восемь, девять, десять. Все это просто злость говорит в нем. Успокойся. Все мы хотим, чтобы с нами считались и делали, как нам хочется. Это естественно. Ты точно так же на него обижалась и обижаешься за все годы, что были проведены не так, как хотелось бы. Столько всего

накопилось. Как бы ни сорваться и не высказать все. Ты потом поплачешь на Любином плече, а сейчас держись, девочка».

Оборачиваться не хотелось, смотреть в глаза тоже и тем более продолжать разговор.

– Ответь. Я задал вопрос.

– Я тоже задавала вопросы. Много вопросов. Не припомню, что бы ты на них отвечал. А любила, не любила? – я приостановилась и начала растирать левое плечо. Так всегда бывает в волнительные моменты – будто отнимается рука вместе с плечом. – Подобных вопросов никогда не задавала, потому что считала и так все понятно. Одиннадцать лет в ожидании. В ожидании твоего звонка, сюрприза, внезапного появления, тогда, когда захочешь. Еще день, еще неделя, еще месяц. И я не могу ни предугадать это, ни удержать тебя. Просто данность для меня – ты. Я не вышла замуж, не родила детей. А, если бы они появились, то, как было бы объяснить все? И отказаться от тебя не могу.

– Если бы ты вышла замуж... я бы больше не появился. Не стал вмешиваться в твою жизнь. Ты сама сделала этот выбор.

– Да сама. «Не переживай. Ты виновата сама. Не переживай и не сходи с ума», – по взгляду поняла, что мое музыкальное сопровождение не вовремя. Но ничего не могу поделать, когда нервничаю, так и тянет вставить какую-нибудь прибаутку. – Сделала сама я этот выбор. Но глубоко внутри на самой, самой глубине, где чернее ночи, еще теплилась одна мыслишка. Такая глупая и наивная...

Горло перехватило спазмом. Даже произнести это было трудно. Но что мне скрывать? Нет смысла прятаться, все мои мысли и мечты и так были понятны, сколько не скрывай их под налетом наигранной веселости и легкости. Это теперь просто история.

– Глупая и наивная, что ты позовешь меня с собой или останешься рядом. Когда-то сие событие произойдет, думала я.

Не знаю, что он увидел в моих глазах, но, видимо, совсем не то, что хотел или ожидал. Не было ни слез, ни осуждения, просто констатация.

– А потом лет через шесть-семь поняла – каждый миг счастье. Не ждать, когда ты приедешь с цирком шапито, а самой жить, наслаждаясь каждой минуткой. Жить так, как хочется. И я живу. Спасибо тебе. Люблю тебя всем сердцем. Мои двери всегда для тебя открыты. Но и ты прояви хоть немного уважения ко мне и моим желаниям.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Прости меня. Ты мне всегда нужна.

– Прощаю.

Запиликал телефон, он протянул руку, нажал кнопку, немного послушал.

– Да. Спасибо.

– Машина подъехала?

– Да.

– Отлично. Еще раз спасибо за отдых.

– Поцелуй меня на прощание.

Я подошла поближе. Поцелуй был легким, ненавязчивым, означающим: «До следующей встречи».

Посмотрела в кружку – чай остыл и подернулся пленкой. Поболтав его, немного вылила в раковину.

Грядут изменения.

О том, чтобы расстаться с Олегом, стала задумываться последние пару месяцев. Два года назад, после вышеупомянутой истории, мне нужен был такой мужчина. Прямой, стабильный (моем понимании, а не его жены, естественно), предсказуемый, как снег в декабре. Устойчивый, неизменный, местами скучноватый и занудный, как мелкий, морозящий дождик.

Все так, для семейной жизни очень подходяще. И почти стопроцентная уверенность, что не надумает уходить от жены от большой любви и чувств. Никаких «взлетов» и «падений» в отношениях, бурных объяснений и сцен в стиле Отелло. Такая практичная, удобная связь.

Ох, кинуть монетку что ли? Что делать? терять «удобства» – слово выбрала ужас, но ладно – не хотелось пока и передохнуть хочется. Оторваться от насущного, забыться.

Ночь на дворе, а я чем занимаюсь? Стою, пялюсь невидящими глазами в окно. Спать надо идти. А ответ сам придет, обстоятельства подскажут.

Как вы встречаете утро нового дня?

Я всегда с радостью. Утром подхватывает и захлестывает волна оптимизма и уверенности, что сегодня будут чудеса, обязательно. Главное не пропустить, увидеть.

Подушка пахла привычно, была свеженькая, удобная. Как хорошо просыпаться дома. А не в чужом месте, где соседней лежит сморщенное уже готовое к утреннему брюзжанию существо. Это я Олега имею ввиду. Первые несколько часов после сна для него испытание. Нужно собраться на работу, выслушать все утренние жалобы жены, детей, матери. Поэтому по инерции начало дня на курорте он встречал с недовольством. Хотя – Боже, упаси! – никаких претензий или даже недоброго взгляда с моей стороны не поступало. Но привычка сильнее. Как всегда внутри бушевало желание прижать этого грустного человечка к своей груди и не отпускать, пока на лице не появится улыбка. Согреть своим теплом, поделиться радостью, весельем. Ведь, по сути, он такой прекрасный человек!

Ах, что-то с утра мысли неожиданные лезут. Нет бы, подумать, чем же заняться. План составить, может быть...

– «Что? Что мне делать сегодня со своей любовью?»...

Откинула простыню и с наслаждением потянулась. Надо еще позвонить Любане, сообщить, что вернулась подруга ее из отпуска и жаждет излить на нее фонтан эмоций и переживаний, впечатлений. Присовокупив к этому подарки для семьи.

В холодильнике, естественно, ничего не было. Уезжая, постаралась опустошить его полностью. Не хотелось промывать все с уксусом, избавляясь от запаха тухлятины, по возвращении с курорта.

Зато в шкафу нашлась овсяная кашка. Здоровая и полезная, как говорят, пища. С утра я обычно не хочу есть. Желудок просыпается уже часам к десяти. Но режим сбит и сейчас, наверное, обеденное время.

Запах кофе был одуряющее прекрасен. И, наплевав на здоровое питание и кашу – один раз живем! – пошла, искать телефон.

Любимая подруженька все время ругает меня, что в доме моем нет часов. Посмотреть сколько времени можно только на телефоне, компьютере или в телевизоре. Ее это обстоятельство очень раздражает.

– И почему у тебя все не как у людей?

Да, не как у всех. И что? Мне все нравится, все устраивает.

Когда она начинает так бурчать по этому поводу, с ухмылкой придурковатой и подхалимской, начинаю напевать:

– *«Останься со мною*

Еще несколько минут.

Я знаю под утро

Часы так бешено бегут».

– Знаю, знаю. Твоя профессия любовницы обязывает создавать непринужденную атмосферу.

– Представь, как бесит, когда мужик еще штаны не снял, а уже на циферблат смотрит и подсчитывает, сколько у него времени на процесс. Как будто это соревнования на скорость и ловкость.

– Понимаю.

И смотрит с затаенной бабьей жалостью. Как все, кто имеет ближе к сорока семью, детей и мужа. У них всегда такой понимающий, слезливый взгляд по отношению к таким как я – разведенным, без детей и непродолжительными отношениями с мужчинами, по большей части являющимися женатыми.

Я приостановилась, хлебнула кофе, задумалась. Ну, да, точно. Вроде половина моих любовников были женаты. Залетного Летучего Голландца можно не считать.

И почему Любана его так зовет? Это же было название корабля. А имя капитана было какое-то мудреное, с двойной фамилией через дефис. Определенного мнения среди ученых по поводу имени бедняги, вызвавшего гнев то ли Бога то ли Черта, тоже нет. Со стороны Черта скорее не гнев, а извращенное восприятие чужих желаний. А чем еще заниматься, если ты бессмертен? Скукота, наверное.

Вообще эта история кажется больше похожей на триллер, чем на мелодраму. Основная версия – проклятые моряки плавают без устали по морям, не могут сойти ни в одном из портов, да и в гавань попасть не могут, отливом их уносит обратно. Заприметив корабль, несколько из них садятся в шлюпку и пытаются с помощью писем, засунутых в мешок и закинутых на чужой борт, послать просьбы о помощи или связаться с родными. Жуть.

На основе этой истории, по-моему, снято несколько ужастиков о кораблях-призраках.

И версия, что мне ближе, заклятие можно снять, если капитан найдет верующую женщину, готовую по большой и чистой любви выйти за него замуж. Вообще полное отсутствие логики. Откуда посреди моря взяться верующей женщине к тому же готовой добровольно выйти замуж за непонятого, страшного, старого (учитывая, сколько лет он скитается по водным просторам) мужика. А по некоторым сведениям капитан был человеком скверного характера – богохульник, пьяница, убийца, жутко упрямый и гордый. Просто сокровище! Хотя... есть женщины готовые взяться за такое непаханое поле изъязнов. Тем более, если она искренне верит в силу Всевышнего и то, что он всегда протягивает руку помощи всем нуждающимся.

Но Любаша мифами не интересуется. У нее Геракл ассоциируется только с силой и возникает в памяти, когда надо поворчать на мужа.

– Что я тебе Геракл, столько сумок тащить?

Любимая ее группа «Комбинация». И на всех праздниках или просто так под настроение мы распеем: «Твоя вишневая девятка опять сигналист под окном...» или «Бухгалтер, милый мой бухгалтер...». И далее по списку в произвольном порядке. Я не возражаю. Хорошие песни и очень подходят для совместного завывания под бутылочку.

Дома у нее звучит радио «ретро». Мы с удовольствием слушали и лицезрели концерт, где собрали вроде бы «забытых» исполнителей. Очень красочно, ярко. Не все легенды сейчас выглядят рентабельно, на мой взгляд, но ностальгия помогает скрасить шероховатости. И, включая их 31 декабря, подружка, весело потряхивая бюстом четвертого размера, крошит салаты, доделывает то, что не успела по уборке дома и его украшению мишурой и дождиком. Ставит курицу и пироги в духовку. Вообще летает, как бабочка.

Обычно мне в этот праздник некуда приткнуться, а сидеть одной в четырех стенах не хочется. Поэтому к нашей концертной программе подвываний уже все привыкли. И ко мне тоже. Я имею в виду ее мужа и двоих детей.

Минусы положения любовницы – в праздники ты остаешься в одиночестве. Все веселятся, спешат домой или к друзьям, с сумками, пакетами, набитыми продуктами и подарками и всякой ерундой. Гомон и веселые голоса не утихают до утра. Салюты, хлопки петард. А

ты дома. Один бокал, одна тарелка, небольшой салатник с оливье и телевизор. Застрелиться можно.

Это же семейный праздник? Удивленно поднимите брови и скажете вы. Поезжай к родственникам. И я бы не против. Но до них ехать километров тридцать. Да и отношения у нас не сложились. В семье не без уroda, как говорится. Догадайтесь сами кто урод.

Вырвавшись из плена своих мыслей, посмотрела вокруг. «Все хорошо, спокойно. Ты дома. А не на квартире родителей, сидишь, притулившись на краешке стула с потупленным взором, полными слез глазами, оправдываясь непонятно в чем. Да, так сложилась моя жизнь! Что поделать? Не стреляться же, в самом деле? Куда я шла вообще? Ага, точно! Искать телефон. Надо сосредоточиться. Зачем был предпринят этот изыскательный поход? Посмотреть время и позвонить Любане. Все, я сконцентрирована».

Опять эта легенда выплыла неожиданно и сбила с толку. Она вообще красной нитью прошла всю мою судьбу, начиная с девяносто четвертого года. Тогда мы и познакомились с героем уже моей легенды.

Подружка прозвала его Летучим Голландцем, имея в виду песню, которую исполняет Алена Апина «Летучий Голландец Любви». И не осознавала, как же была права. Слова из нее были моей молитвой, мантрой и поддержкой очень долгое время. Своеобразный гимн. Со временем она начала вызывать отторжение и иногда даже ненависть. Слушая их, какая-то горечь и отчаяние поднимались изнутри.

«Ты приходишь внезапно

И уходишь так скоро

Как Летучий Голландец из книг.

Я тебя провожаю без слез и укора –

Вспоминая потом каждый миг».

Все так и было. И проводы без слез и укора. Сначала...

Воспоминания, как зыбучие пески, могли затянуть в свою глубину, и вернуться от туда бывало очень сложно. От них отряхиваешься, как от тяжелого, сладкого дурмана. И совсем не понимаешь где ты, какой сейчас год и что рядом совсем другой человек. А того, кого с нетерпением ждешь почти каждую секунду своего существования, возможно и не было никогда. Нет, человек с таким именем есть в природе. Живет, ест, работает, встает по утрам, засыпает вечером и иногда, вспоминая обо мне несчастной, приезжает. Но того образа, что я себе воображаю, нет и не было.

Такая мысль много раз приходила ко мне в дни особо тотальной депрессии. Кого же на самом деле люблю? Реального человека или свои фантазии о нем?

Потом начинала вспоминать подробности его биографии, что удалось мельком узнать, вытащить чуть ли не силком подвергая пыткам. Разговоры шли в основном на отвлеченные темы. Обо мне, моих делах и т.д.

Как любой по уши влюбленной дуре, вначале было все равно. Приехал – и слава богам. А когда вихрь романтических, сладких, захватывающих эмоций отпускал, то спросить уже было не у кого. Был, и нет. Такая таинственность будоражила чувства. Когда придет? Придет ли вообще? А был ли он?

Так же временами хотелось сходить к психиатру и провериться. Может у меня какая тяжелая форма шизофрении или еще чего-нибудь? А в моменты обострения из воспаленного сознания возникает образ мужчины, придуманный мною? Бывает же такое.

Но эта версия не выдерживала критики. Другие же люди его видят. А коллективные глюки ерунда.

С Любаней у них была одна единственная встреча. Подружка отзывается о нем не очень лицемерно. Старается и в словах не сдерживается, а подвыпив малость, и вовсе кроет,

используя великий и могучий «неправильный» русский, перемежая с угрозами убить, когда в следующий раз появится.

Но, являться без предупреждения, у них общая черта.

Вот и в тот вечер звонили, звонили. Он был в ванной. Преодолев с трудом приятную слабость, завернулась в халат и вышла в прихожую.

– Кто?

– Конь в пальто! Я. Открывай!

Собрав в кулак все смирение, повернула замок и, сделав небольшую щелку, высунула в нее голову. Приподняв брови, ответила:

– Привет! Любань, ты не вовремя.

Подружка чуть потеснила меня своим могучим телом и продвинулась в квартиру, увидела мужские ботинки.

– Да я уже вижу. Рожа довольная, глаза сверкают. Что опять ветер к нашему берегу Голландца прибил?

– Люба! – шикнула на нее. Бесполезно, с тем же успехом можно на бронетранспортер шикать. Она только хмыкнула. Хлопнула дверь ванной. Хорошо хоть в полотенчико обернулся, а то обычно голышом расхаживает.

– Добрый вечер, – и ушел в комнату. Ни с кем из моих знакомых или родственников он не был знаком, не сталкивался и не старался столкнуться или познакомиться.

– Добрый... – пробормотал бронетранспортер в ответ. Только белое полотенце исчезло за поворотом, зашипела:

– Светка, гони его в шею! Это же просто...

– Люба, – постаралась, чтобы в голосе звучали железные, предостерегающие нотки.

– Поняла, поняла. Делай, что хочешь. Только не приходи, потом плакаться.

Как же хочется ответить, что-нибудь гадкое.

– Ну, ты тогда с мужем разведись.

– В смысле? При чем здесь мой муж?

– Чтобы тоже не приходиться, потом плакаться.

– Черт с тобой! На фига мне все это надо...

– Вот именно. И тебе всего хорошего!

Закрыла дверь и, привалившись к ней, постояла немного, крепко зажмурив глаза. Нехорошо так разговаривать с лучшей подругой. Но иногда это настырное вмешательство в мою личную жизнь чрезвычайно раздражало.

Только прижавшись к его теплому боку, почувствовала успокоение. Умиротворение и нега растекались по венам жидким огнем. Пальцы легонько поглаживали мое плечо.

– Это была твоя подружка или родственница?

– Подруга. Любаня. Бухгалтер, я тебе рассказывала. Прекрасная женщина и мать двоих детей. Иной раз, кажется, что меня она считает своим третьим ребенком.

– Ясно. Беспокоится о тебе?

– О, да. Наставляет на путь истинный. У меня, видите ли, не все, как у людей.

Не хотелось с ним говорить на такие темы. Чтобы подобные события омрачали те редкие моменты, когда мы вместе.

– А у нее, как у людей? – в вопросе прозвучала легкая издевка, но без особой заинтересованности.

– Да. Полный набор. Даже целых два замужества. Не обращай внимания.

– Она твоя подруга, а не моя. Просто ты ей не безразлична. Хорошо, когда есть люди, которым ты не безразличен. Кстати, а что за «Голландца» она поминала?

Я замялась. В темноте скорее почувствовала, чем увидела – улыбается.

– Это, что мое прозвище?

Спрятав лицо в его подмышку, покивала.

– Как-то странно. А с чем или с кем параллель проведена? Не могу предложить.

Чуть высунув нос наружу, посопела, но ответила:

– Вообще-то она называет тебя Летучим Голландцем. Ты знаешь эту легенду?

– Обалдеть! – и захохотал. Успокоившись, повернулся на бок, придавил мои ноги своими и подтянул повыше.

– Я так понимаю, та самая параллель проведена с частотой моих посещений?

«Ну, удружила подруженька!»

– Не совсем. Любана не очень хорошо знакома с содержанием легенды.

– Хм, тогда откуда?

– Есть песня у Алены Апиной «Летучий Голландец Любви».

– Не слышал. А может и слышал, но не помню. Напой?

– Нет. Я не все слова помню...

– Давай. Я очень хочу послушать, что за песня, так впечатлившая твою подружку.

«Она и меня хорошенько так впечатлила. Но тебе об этом знать необязательно».

– Не тушуйся. Я знаю, что ты прекрасно поешь.

Дело было не в стеснении. Просто показалось, что выдаю какую-то страшную тайну. Достою со дна всю скорбь и боль. Разбалтываю в банке осадок, и вода становится мутной. Эта песня для меня, как молитва. А молитвы не читают забавы ради.

– У меня где-то была запись на кассете или диске. Давай завтра просто включу.

– Светка, в чем дело? Это же просто песня. И мне все равно, какое прозвище придумала твоя подруга. Если в этом дело. Хотя оно такое романтическое, с налетом средневековья, рыцарства и авантюризма. Мне даже нравится.

– Правда? Нет, не в этом дело.

– Тогда в чем? Эй?

– Все нормально.

Устроила голову поудобнее, закрыла глаза и постаралась отстраниться от всего, сосредоточившись всецело на темпе и ритме. Не вникать опять в смысл этих слов. Каждое, из которых уже не просто набор букв. Это: боль, отчаяние, надежда, сладость и горечь одновременно, принятие, ненависть, ностальгия, воспоминание и любовь. Запутанный клубок разноцветных ниток. Горло перехватило судорогой, и я чуть придерживала его рукой.

– *«Ты приходишь внезапно*

И уходишь так скоро,

Как Летучий Голландец из книг.

Я тебя провожаю

Без слез и укора.

Вспоминая потом каждый миг.

Каждый раз я ревную

И сказать забываю –

Не нужны мне подарки твои.

Я тебе помогу,

Я тебя понимаю,

Мой Летучий Голландец любви!

Хочу я с тобою, умчаться на волю –

Подальше от грешной земли.

Мой необъяснимый, мой неуловимый

Летучий Голландец любви.

Я боюсь, ты утонешь

*В океане безбрежном,
Если рядом не будет меня.
Я люблю, я люблю тебя, мой сумасшедший.
В этом счастье мое и беда!*

*Хочу я с тобою, умчаться на волю –
Подальше от грешной земли.
Мой необъяснимый, мой неуловимый
Летучий Голландец любви».*

Голос немного сорвался на последнем припеве. Слеза покатилась по щеке.

– Там припев еще два раза поется, но что-то сегодня я не в голосе...

И вправду эту фразу я как будто прокаркала с трудом. Слова были просты и незамысловаты. Но в одни и те, же слова каждый вкладывает свой смысл.

Слезы комом встали в горле. Надо уйти в ванную или на кухню или еще куда-нибудь. Не хочу плакать при нем. Было ли такое, что я плакала при нем? Да, было давным-давно. Так уж сложилось наше знакомство, в тот момент все навалилось со всех сторон. Но сейчас? Что со мной? Никаких причин, только бурный поток изнутри уже было не сдержать. Получается глупая сцена из мелодрамы.

Я уже рванулась было с кровати, но две сильные руки вернули меня обратно и прижали к широкой, твердой, заросшей волосами груди. И он тихонько укачивал, гладил по голове, как маленькую, пока меня трясло в рыданиях с ужасной силой. Так я никогда не плакала. Даже, когда узнала, что у мужа другая женщина. Когда разводилась. Или когда этот самый бывший муж избил меня. Вот такую приткнувшуюся за раковину, рядом с мусорным ведром, испуганную до смерти, нашел меня мой Летучий Голландец. И как теперь укачивал на руках. Потом помог собрать вещи, умыл и, чуть не на себе, вынес из квартиры, довез до подруги и пропал. Вся эта неприятная ситуация вышла из-за того, что мое заявление на развод оказалось на столе в загсе. Кулаками, любимый когда-то, супруг пытался заставить забрать его. Ну, и научить умуразуму. Ведь с такими распрекрасными мужчинами не разводятся. Прожили мы вместе полтора года, но и их хватило с лихвой.

Но развод прошел спокойно, как и раздел скудного имущества. Как потом выяснилось, Голландец нашел супруга, гуляющего по привычке в одном из кабаков, и промыл ему мозги хорошенько. У всех свои способы, его возымел действие. За что большая благодарность.

– Светик, ты моя радость. Плачь, плачь...

И сейчас тоже готов подставлять свое плечо для моих слез.

Пролив немалое количество жидкости, я отключилась от усталости. А на утро проснулась одна среди простыней. Как всегда он и его утешения, мягкие объятия показались просто сном или миражом, который помаячил и пропал.

Постучав телефоном по раскрытой ладони, в задумчивости посмотрела на него. Опять ушла в воспоминания. Да, что ж ты будешь делать! Скоро день пройдет, а я с места не сходила.

Открыла крышечку и набрала номер подруги.

– Привет! Это я.

– Привет, отпускникам! Как долетела?

– Все отлично.

– Хорошо, а то я переживала. Самолеты падают, поезда с рельсов сходят. Но все подробности потом. Ты дома?

– Ага, дома. А ты? На работе?

– На работе. Будь она не ладна. Где же мне быть? Квартального отчета не придвинется, так что могу заскочить часам к семи. И выслушать все последовательно по пунктам. Где была, что ела, какое солнце, какой пляж, море и т.д.

– Может, я к вам зайду?

– Светик, будь человеком. Дай я хоть на один вечерок отдохну от семейной жизни. И Валя возражать не будет. Я ему говорила, что ты сегодня возвращаешься.

«Ага, возразишь тут!»

Валентин – супруг Любаши – существо покладистое и примерное, но иногда мог проявить завидное упрямство. Учитывая характер его половинки, качество важное. Он не поддавался на ее провокации и наезды, если уходил в это самое упрямство.

– Отлично, тогда жду. Успею еще в магазин и прибраться.

– Бутылочку я принесу. Мне тут начальник презентовал какую-то, вроде хороший вискарь. Все целую тебя, радость моя!

– И я тебя целую. До встречи!

Захлопнула крышку. Стоит заняться делом. Приборка всегда помогала мне расслабиться. Включив радио, достала тазик с тряпками и методично прошлась по всем поверхностям. Сначала в гостиной, потом в спальне, подпевая почти всем песенкам, несущимся из колонок. Временами подтанцовывая.

Но взгляд все возвращался к корзине с цветами. Чего ждать дальше? Не знаю. Но странно, что она здесь стоит, а его нет. И какое-то несоответствие симпатичной картинки, представшей передо мной и внутренними ощущениями от нее.

Наконец домыв все полы, уселась напротив моей домашней клумбы и уставилась на нее. Чем же ты мне не мила?

Сколько так просидела не знаю. Что-то сегодня я совсем расхлябалась, почти засыпаю на ходу.

Очнулась от звонка в дверь.

– О, черт!

Похоже, уже подружка приехала. А у меня что? Даже хлеба нет, чтобы занюхать.

На повороте в коридор из комнаты поскользнулась и чуть не упала. Опять резкий, нетерпеливый звонок.

– Иду, иду...

В который раз уже я оценила предусмотрительность и основательность Любаши, а так же дар предвиденья. Она стояла на пороге с двумя сумками. Из одной выглядывал длинный, румяный хвост багета, сразу же захотелось отломить его и опробовать хрустящую корочку. Желудок тут же отозвался жалобным стоном – кофе с утра прошел незамеченным. Она не замедляя хода, прошествовала внутрь, поставила поклажу в углу, обняла меня и прижала к своему шикарному бюсту.

– Здорово! Ох, соскучилась же я по тебе!

– И я по тебе, дорогая. Только не раздави.

– Я? Вот глупости то выдумываешь.

Посмотрев на мою несколько виноватую мину, скинула босоножки и, захватив один пакет, проплыла на кухню.

– Вот почувствовала я одним местом, всем хорошо известным, что пожрать ты так и не сподобилась купить, – ее руки проворно выкладывали на стол всякую снедь: хлеб, икорку, масло, огурцы, зелень. – Поэтому, не надеясь на твою сознательность и собранность, а так же русский авось, закупила все сама.

– Любаша, я тебя люблю.

– Я знаю, знаю. Но без фанатизма, ладно. Давай, мой овощи, строгай салат и бутылку в холодильник не забудь закинуть. А я мясо пожарю. Все признания в большой и чистой любви,

пожалуйста, в письменном виде. Еще лучше, если факсом в офис отправишь, пусть шеф полюбуется и опомнится.

– Что стряслось опять?

– Так поверка была, – взяв из кухонного ящичка молоточек, для отбивания мяса, она с кровожадным видом набросилась на ни в чем не повинный кусок. – Вот так тебя...

– Слушай, ты вроде хотела его пожарить, а не фарш сделать?

– Уф! – стерла ладонью невидимый пот. – Иногда можно и фаршик вместо просто кусочка. Вот Валька мой иногда смотрит, как я молочу мясо и уже меньше на рожон лезет.

– Твоему Вальке надо вообще памятник поставить. Или причислить к лику святых.

– И это от родной подруги услышать столь лестные речи. А я для тебя готова последнюю копейку или рубашку отдать. Вот и делай людям добро после этого.

– Ну, Любаня... Я же любя и в шутку, – и, перегнувшись через стол, поцеловала ее в щечку.

– Ладно, верю. Так и быть. Доставай бутылку, хряпнем прямо сейчас.

– погоди, я уже салат докрошила.

– Да, фиг с ним!

– Все, все достаю.

Выставила рюмки. С сомнением посмотрела сначала на них, потом на низкие, широкие стаканы.

– Слушай, из чего пьют этот твой виски?

– Шут его знает. Вроде с содовой или с колой. А из чего? Какая разница. Мы же не на светском рауте не перед кем выпендриваться.

– Ты купила?

– Что? Стаканы?

– Да, нет. Содовую или колу?

– Зачем мне всякую гадость покупать? Я и детям запрещаю пить.

– Ты же сама сказала, что виски с колой или с содовой пьют.

– Да, ладно! И так сойдет.

– Мне тем более все равно.

Шлепнув на разогретую сковородку мясо, она обтерла руки о полотенце и взялась за свою рюмку.

– Ну, давай. За то, чтобы в следующий раз курорт был еще круче и мужик тоже!

Чокнулись и залпом выпили. Я чуть не выплюнула все обратно на стол, с трудом сделав плотательное движение, скривилась. Подружка, выпучив глаза, коротко дышала. Потом нацепила на вилку салата, закусилась, нацепила еще и сунула мне под нос.

– Жуй быстрее. Закусывай.

Прожевав огурцы с помидорами, отщипнула большой кусок от батона и запихала в рот. Как раз ту румяную корочку, что так хотелось. Но, из-за оставшейся горечи, не оценила.

– Вот гадость!

– Не то слово.

Мы вместе уставились на этикетку.

– Люб, это не виски. Это коньяк и притом паленый.

– Черт! Я перепутала бутылки. Какое гавно, однако.

– Не беда. У меня где-то початая бутылка водки оставалась.

– Доставай. А то душа требует.

На этот раз мы подождали, пока мясо поджарится. Разложили по тарелкам, рядышком салатик, красиво расположили бутербродики на большом плоском блюде. А в холодильнике еще ждали пирожные с глянцевыми фруктами в песочных корзиночках. Просто загляденье!

Немного полюбовавшись, на сей натюрморт, мы подняли по второй – «за нас красивых и за них рогатых». Посмеялись.

– Рогатых? Любаша, ты что-то от меня скрываешь? Подумаешь от мужа своего. Это понятно. А от меня что?

– Я? Ничего. Придумала тоже. Когда мне время то найти, чтобы эти рога наставлять? Только ночью. А ночью я сплю беспробудно, пушкой не поднимешь.

– Знаю, слышала много раз, запомнила. Но у тебя Валя умница.

– Да. Умница... – взгляд ее затуманился, на лице начала проявляться вселенская печаль и тоска.

– Люба? Что случилось?

Закрыв лицо руками, она вдруг заплакала. Навзрыд, со всхлипами. Утираясь кулачками, как маленький ребенок.

Я, если честно, впала в ступор. Подружка, конечно, плакала время от времени. Но редко и мало, скорее, для порядка и под какую-нибудь заунывную песню. Говорила, грех под эти стоны не пустить слезу. А так, чтобы истерика женская... Такое было один раз лет шесть назад.

Разлив еще раз по одной, быстро замахнула стопку в себя, встала, вытащила пакет с бумажными салфетками, сунула ей на колени. Она благодарно покивала, продолжая подвывать. Ясно, что пока разговора не получится, надо переждать.

История нашего знакомства очень пикантная и даже невероятная. Многие непонимающе качают головами, когда узнают.

Мы не подружки с розовой юности, детского сада, школы или института, не знакомились на работе или студенческой вечеринке. А познакомились мы у дверей моей квартиры, прошло уже чуть более семи лет. Сейчас смешно вспоминать, а тогда было совсем не до смеха.

На новогодний корпоратив, мы рабочим коллективом завалились в какой-то ресторан. Я работала весовщицей на складе. Почему, не спрашивайте. В девяностые кто кем только не работал. Помимо нас в этом не очень солидном и немного мрачноватом заведении гудело еще несколько компаний с такими же средненькими доходами, как и у нас.

В конце концов, с одними из таких новогодних отмечальщиков мы смешались – все же веселей большим коллективом. Ребята были с хлебозавода. Веселые, уже подзарядившиеся для разогрева на работе, травящие анекдоты и байки про производство хлебобулочных изделий. Такие что потом, заходя в магазины долго на батоны и все остальное даже смотреть, не хотелось.

Сдвинув несколько столов, мы очень быстро перезнакомились и шумно загалдели, перекрывая голоса других. Официантки на нас смотрели не очень добро, так как заказывали мало, места занимали много, а сидеть собирались долго.

Вечер продвигался. Голова начала кружиться, перед глазами уже все плыло. Из разговоров я улавливала только обрывки фраз и даже не пыталась вникнуть в их смысл. Это требовало слишком больших энергозатрат и сомнительно, что вышло бы что-то путное. Рядом со мной вдруг оказался молодой мужик чуть за тридцать. Мрачно вливая в себя рюмку за рюмкой, он что-то бухтел и бухтел мне на ухо. Видимо, что-то очень личное и важное для него. Иногда, прорываясь через алкогольную завесу, я разбирала слова: «жена», «совсем достала», «покоя нет» и все в таком духе. Не знаю, почему ему вдруг показалось, что моя грудь и жилетка хотят, чтобы на них выплакались. А уж слушать арии про «жен» и «тещ» удовольствие ниже среднего. Это все мы слышали и на работе с ужасающей регулярностью. Первый год за мной ухаживали все кому не лень. Потом директор нашего склада пал жертвой моего скромного обаяния и местные донжуаны поутихли. Роман наш был недолгим – месяца три. А потом мы расстались по обоюдному согласию, без скандала, драки и взаимных оскорблений. Ждала, что уволит. Но нет. События, происходящие в стране в девяносто восьмом году, отвлекли от личных переживаний. Так и осталась при своем месте. Народ уже не лип и считал немного странноватой.

Вот сидела я, слушала этого несчастного и радовалась, что хмельной туман не позволяет до конца вдуматься в суть его речей. Если бы вдумалась, то, наверное, женская солидарность взяла бы верх и выплеснулась наружу, в форме нескольких ласковых фраз.

Но я сидела, слушала и кивала, время от времени повторяла:

– Хм...

Ему больше и не требовалось. Так мне показалось сначала. Просто пьяный мужчина. Просто надо выговориться. А его товарищи уже раз сто слышали эту душешипательную историю про «непонимание» и вообще горькую судьбину. Ну, и пришли сюда не за тем, а веселиться, отмечать Новый Год.

Кивая в очередной раз, я почувствовала его руку у себя на коленке. Вторая легла мне на плечо, притягивая ближе. Коленка была уже исследована и пошла очередь бедра.

«Приехали, называется».

Покашляв немного, аккуратно сняла его ручонку со своего плечика, улыбнулась и проорала на ухо:

– Извини, нужно отойти ненадолго.

– Да, конечно.

Возвращаться, если честно, не собиралась. Но, выйдя из дамской комнаты, увидела вновь своего кавалера мающегося неприкаянно в вестибюле. Вот ведь неймется.

Он подхватил меня под ручку, и мы вернулись в зал. А куда было деваться? Не вступать же с ним в военные действия. Тем более с пьяным мужчиной лучше особо не спорить. Подожду, когда отключится, и потихоньку уйду. Таков был мой план действий. Но я не рассчитала свои силы и отключилась раньше него.

Пробуждение было не самым приятным, принимая во внимание вчерашние возлияния. И еще то, что рядом кто-то лежал, бесцеремонно примяв меня своей тушей к дивану, попыхивая прямо в лицо перегаром. Вот ужас!

Я тихонько спихнула это что-то или кого-то в сторону. Но расслабляться было рано. Одежда на моем теле почти отсутствовала. Вот это на самом деле был ужас! Такого еще со мной не бывало – по пьяной лавочке оказаться с мужиком в постели и ничегошеньки, ну, вот совершенно ничего не помнить.

– Мамочки...

Голос был, как звук из ржавой банки, и такой же привкус во рту. Мама не поможет. Ей лучше вообще об этом не знать. Никому лучше вообще не знать.

Взявшись за плечо своего случайного любовника – а может быть, и нет, всякое в жизни бывает – повернула его лицом к свету, хоть посмотреть, что Бог послал. Это был вчерашний страдалец. Уф. Облегчение хоть и небольшое.

– Эй? Просыпайся!

Послышалось сдавленное хрюканье и все.

– Понятно.

Черт! А где мы? Я же вообще ничего не помню. Ни как из ресторана выходили, ни как добирались и на чем, как заходили и куда.

Осмотрелась вокруг. Знакомые обои, шторы, шкаф, трюмо, кресло. И тут облегчение. Мы в моей квартире, а не непонятно где. Или наоборот это не очень хорошо? Запомнит адрес, не отвяжешься потом.

А как все-таки наша пьяная компания попала сюда?

Напрягать голову такими вопросами не стоило, она сразу отозвалась дикой болью. Ладно, потом разберемся. Кряхтя, как старая бабка, поплелась в ванную. Избегая смотреть в зеркало, сразу же залезла под душ. Как хорошо – свежая водичка. Глаза мгновенно разлепились, мигрень почти прошла и вообще не душе посветлело. Вытершись пушистым, родным полотенцем, двинулась на кухню.

Порывшись в холодильнике заварганила яичницу с колбаской, луком и гренками. Заварила кофе. И, удовлетворенно вздыхая, присела на табуретку.

Только сделала первый глоток, как послышалось шевеление в другой комнате. Изнутри поднялось неприятие, и даже злость. Надо его выпроводить. Хотя, что я на него взъелась вдруг? Сама виновата. Нечего напиваться, как распоследняя ромашка. Это мне урок на будущее. Какие бы не были трудности в жизни, нельзя так опускаться...

Поток самобичевания был прерван появлением на пороге немного смущенного, заспанного, помятого мужчины, пытающегося засунуть вторую руку в рукав свитера.

– Доброе утро.

Он чуть шарахнулся и немного поморгал.

– Доброе... я ...

– Да нормально все. В душ пойдете?

– Не хотел, обременять и так вот...

– Ничего. Пойдемте, полотенце дам.

И выдав необходимое, направила в ванную. Умывшись, он стал очень даже ничего. Все еще немного конфузился.

– Спасибо. Я бы пошел, а то, как то...

– Понятно. Кофе?

– Не откажусь.

И пристроил себя на стул быстренько.

– Извините, не помню вашего имени.

– Светлана.

– Андрей.

– Говорить, что мне приятно, не буду.

– Хорошо. Ситуация для меня на самом деле необычная.

– Правда?

Андрей скривился.

– Ну, не такая частая, как может показаться.

И тут я вспомнила его бухтение про жену. Понятненько – гуляет время от времени.

– Простите, Светлана, а вы замужем?

– Нет. Но как-то поздновато этим интересоваться.

Лицо его просветлело от облегчения. «Нет, разъяренный муж не будет выкидывать тебя из окна. Расслабься».

Я чувствовала его любопытный взгляд, блуждающий по моему лицу и фигуре.

– Может, перейдем на ты?

– Хорошо давай.

– Я не очень хорошо помню, что вчера было. Перебрал. А ты?

– Если я ничего не помню, значит, ничего и не было.

И мило так улыбнулась.

Мужчина он симпатичный и приятный, но женатый. А тогда женатые были для меня табу.

Андрей перегнулся через стол, нежно взял мою ладонь в свою, с чувством заглянул в глаза. Ох, какой соблазнитель.

– Ты очень красивая женщина. И жаль, что я ничего не помню.

По глазам видно хотел бы все повторить, но уже на свежую голову, чтобы запомнилось.

Извини, не получится.

– Я думаю так даже лучше.

– Почему?

– Тебя, наверное, уже дома обыскались?

– Разве это важно?

– Конечно, важно.

Он поник, но ручку не убрал, тихонько выписывал большим пальцем круги. Было щекотно, но я терпела.

– Ты знаешь. В нашей семье давно уже не все хорошо и складно, как хотелось бы. Я понимаю, что мы оба виноваты, естественно, в этом. Но все уже не так. Все идет к финалу...

«Где-то я уже это слышала. Но в развернутой форме даже».

– Ну, вот, когда финал настанет, тогда и приходи. Пообщаемся. А пока, извини. У меня дела.

Андрей отвел глаза, отпустил мою руку. Одним глотком допил остывший кофе, попрощался и ушел.

В то утро я думала, что вижу его в последний раз. Но ошиблась. А точнее жизнь распорядилась иначе.

Новогодняя ночь с тридцать первого декабря двухтысячного года на первое января двести тысяч первого года была для меня самой счастливой. На пороге в середине дня вдруг объявился Летучий Голландец с пакетами еды и подарков. Видно, что смертельно уставший и замученный. С недельной щетиной и чернотой под глазами. Я была безмерно счастлива, потому что уже ожидала унылую праздничную ночь в компании с телевизором, под шум петард и фейерверков за окном, гул гуляний и веселых голосов. И вдруг он – подарок для сердца моего!

Но первого января с приходом нового дня праздник закончился. Все было волшебное – ужин при свечах, после двенадцати, послушав президента и гимн, мы прогулялись, наслаждаясь теми звуками, что в одиночестве были бы для меня мучением, потом вернулись в тепло домой и в постель. Я понимала его состояние и пыталась полностью слиться с ним, дать возможность забыться, отдохнуть, сжечь всю боль в том огне, что был между нами.

Один телефонный звонок и он быстро собрался, как всегда ничего не объясняя. Сказал лишь, что это очень срочно и важно (А когда было не срочно и не важно?). И исчез, будто и не было его.

С тех пор ненавижу первое января. Это унылое, серое, пустое утро, похожее на выжатый лимон. Когда на улице тишина, редкие машины и лишь валяются остатки мишуры, конфетти и петард, бутылки. Короче, все, что осталось от бурного вчерашнего веселья. Не удивлюсь, если на этот день приходится пик самоубийств. Я была близка к этому.

Спасло то, что от какого-то отупения, никак не могла сообразить, как сделать это черное дело побыстрее и полегче. Плюнула, залегла на диван, вооружившись пультом от телевизора и обложившись едой. Так и пролежала все праздники – бревном. Лишь один раз выбралась из логова в магазин за продуктами.

Вывел меня из этого затяжного депрессивного состояния, как ни странно Андрей.

В середине января я, возвращаясь вечером с работы, наткнулась на него возле своего подъезда. Бедняга переминался с ноги на ногу, приберегая за спиной букетик, завернутый в бумагу. На вопрос, какой ветер принес сюда и зачем, долго бормотал о том, что вроде чувствует связь или другие глупости. А у меня в голове пронеслось, что хватит ждать неизвестно чего, а надо брать то, что дают сейчас. Прервав его излияния, подхватила под ручку, и мы прошли в квартиру.

Любовником моим Андрей был недолго. Где-то в апреле наш роман закончился.

Был выходной, и я как раз закончила омовения в ванной, после долгой генеральной уборки в квартире. Раздался настойчивый звонок в дверь, потом еще один и еще, уже не прерываясь.

– Озверели совсем... Хватит! Сейчас открою!

На ум пришел сосед с первого этажа. Время от времени он занимал деньги на выпивку, обещая в скорости отдать с зарплаты, но так еще и не отдал, ни рубля.

Резко распахнув дверь, я начала сразу говорить, не разглядев посетителя.

– Денег не дам...

– А мне и не надо твоих денег, стерва! – прогремел пьяный бас. И из подъезда на меня надвинулась громада с белыми кудрями, диким взглядом, в пальто и с сумкой наперевес.

От неожиданности шагнула назад и позволила ей войти внутрь.

– Ты мужа моего отдай. Чего тебе надо? Чего ты лезешь в чужую семью? А? Змея ты ...

– Я не лезу...

И в самом деле, мне ее муж без надобности, если она Андрея имеет ввиду.

Схватив за отвороты халата, женщина начала меня трясти. Не знаю, что она хотела сделать. Если уж бить, так била бы. Тряси не тряси, яблочки все равно не свалятся.

– Отстань от него. Слышишь?

– Да, не нужен он мне...

– А мне нужен. Чего ты к нему пристала?

– Я?

– А кто? Это ты увела его из семьи...

– Да забирайте его обратно...

Голова уже отлетела назад от этого потряхивания. И не знаю, сколько бы продолжалось эта комедия, если бы из дверного проема не появился мужичонка. Подхватив под бока мою мучительницу, оттащил в сторону.

Она заплакала. Но не успокоилась и порывалась, то ли кинуться на меня снова, то ли выбежать из квартиры, не поймешь. От этих непонятных телодвижений еще больше придавливала его к тумбочке, на которую они упали. Видны были только его руки, ноги и макушка из-за ее плеча. Дама была габаритная и в пьяной истерике.

Угрозило же!

Всхлипы продолжались еще долго вперемешку с бормотаниями. Я сделала пару попыток подойти к ней, но она, замахиваясь на меня сумкой, отгоняла, крича:

– Уйди, змея!

Чуть погодя все-таки выдохлась и между всхлипами начала видимо задремывать. На такую массу, это же, сколько алкоголя нужно?

Мужичок подхватил ее поудобнее и тихонько спросил:

– Куда?

Я замахала руками в сторону гостиной, быстро проскользнула туда впереди них, освободила диван. Он аккуратно уложил ее и вышел за мной, театрально утерев пот со лба, взглянул попристальнее.

– Уф!

Ситуация так скажем... нестандартная.

– А вы кто? – наконец догадалась спросить.

– Я таксист. Везу ее и понимаю по состоянию и пьяному бреду, что нехорошие мысли в голове бродят. Мало ли, что в подпитии приходит на ум. Многие потом сожалеют и даже ничего не помнят. Вот и проводил малость. А тут такие дела...

– Да, уж. Спасибо, что еще можно тут сказать, не дали пропасть ни мне, ни ей.

– Ничего. Валентин.

– Светлана. Очень приятно.

Он усмехнулся и оглянулся на дверь. Вроде как делать ему тут больше нечего.

– Я надеюсь, дальше сами справитесь?

– Думаю да. Надеюсь, хоть и не уверена на сто процентов. Если что буду обороняться сковородкой.

– Ну, звоните, если что, – и протянул бумажку с номером.

– Еще раз спасибо.

– Все нормально. Видно же, что приличная женщина. Просто от отчаяния видимо...

Тут вспомнив, что причина ее отчаяния стоит перед ним, осекся и отвел глаза. Потом еще раз вздохнув, направился к двери, на ходу попрощавшись.

Вот так впервые в жизни Любаша оказалась на моем диване.

Я осторожно зашла в комнату, не включая свет. Сняла с нее сапоги, достала сумку из онемевших пальцев и прикрыла пледом. Понаблюдала за спящей немного.

Может, стоит и в самом деле вооружиться сковородкой?

Потом уже на кухне, наливая себе кипятка в кружку, зашлась от смеха и чуть не обварилась. Напряжение и адреналин вышли наружу. Надеюсь, они не придут ко мне жить всей семейкой? А то сначала муж в пьяном угаре попадает на мой диван, теперь жена.

Чудны дела твои Господи.

Пока эти воспоминания, как кадры из кинохроники проносились перед глазами, мясо было съедено, а Люба уже перестала всхлипывать и сморкаться. Сидела, смотрела пристально в пустую рюмку.

Я аккуратно разлила еще и кивнула ей. Мы, молча, чокнулись. Выпили и принялись за бутерброды.

– Может, расскажешь, что случилось?

Подружка подперла головку рукой и протяжно вздохнула.

– Баба у него появилась.

– У кого? – брови от удивления взлетели почти на затылок.

– У кого, у кого... У деда Пихто!

– Да, ладно! Не может этого быть!

– Может.

Вот уж не поверю, чтобы ее муж завел какую-то женщину на стороне.

– Это ерунда. Ты их видела?

– Нет.

– И откуда тогда такая уверенность?

– Чую.

– Ага, чем только?

Она посмотрела с укоризной. Я пожала плечами.

– На чем основывается твое подозрение? Не просто же на одном предчувствии? Факты, давай факты.

– Конечно, не на одном предчувствии. Последний месяц он стабильно два дня в неделю возвращается домой позже на час. Отговорка одна и та же – на работе задержали.

– Ну, не дурак же он совсем. Понимает, что рано или поздно ты что-нибудь заподозришь и проверишь. Может и правда на работе задерживают?

– Проверяла, звонила на работу. И там ответили, что ушел, как обычно.

– Блин. Почему сразу баба? Могут быть разные причины.

– Да, ладно! И какие же такие причины, о которых он не может мне сказать?

– Странно...

– А я о чем? Что делать то?

– Спроси прямо.

– С ума сошла?! И что? Представь, он ответит, что да, милая, у меня другая появилась. Сделает мне ручкой и свалит к ней.

– Ну...

– Загну. У меня двое детей на руках. Их вырастить и поднять надо. Как я одна?

– А так ты думаешь, он не уйдет? Если ты молчать будешь и страдать.

– Я не о том.

– Ничего не понимаю. А о чем тогда?

– Тьфу, на тебя!

– На меня?

– Все просто. Хочу за ним последить немного. Узнать так все или мои подозрения не обоснованы.

– И? Увидишь их вместе, дальше твои действия? Завалишься к ней пьяная, схватишь за грудки и будешь трясти, пока она не согласится его бросить. Как ко мне когда-то?

Подружка насупилась.

– Я пришла горем своим поделиться. А ты?

– Сочувствую в меру своих сил и понимания ситуации.

– Вижу, как ты сочувствуешь.

– Ладно, брось. Я всегда на твоей стороне и с тобой хоть в огонь, хоть в воду. Просто не могу понять, зачем тебе это надо?

– Хочу узнать точно. И душу себе не бередить сомнениями.

– Если в этом смысл...

– В этом. Ты мне поможешь?

– Сидеть с биноклем в засаде? Конечно, всю жизнь хотела поиграть в шпионов.

– Думаю, бинокль не понадобится.

Она ушла в раздумья. Хотелось бы верить, что разрабатывала план компании.

– А как мы будем это делать? На каком транспорте передвигаться?

– Что? – мутно посмотрев на меня, подруженька оторвалась от своих мыслей.

– Каким образом, говорю, будем слежку осуществлять? Где выслеживать? На каком транспорте? На своих двоих? Он же ведь на машине?

– Ой, давай не сейчас. Что-то голова заболела.

– А завтра еще хуже будет. Так, что будем решать сегодня. Или передумала?

– Нет. Просто не знаю даже с чего начать.

– Ну, как-то же первого мужа ты выследила. Считаю, опыт есть.

Люба опять нахмурила лоб. Наконец, собрав все мысли в кулак, через минуту ответила.

– Все как-то само собой вышло тогда. Увидела, как он цветы покупает в киоске недалеко от работы. Это было странно. Мне же он с утра напел, что с друзьями вечером посидеть хочет. Давно не виделись вроде как. Понятно, что веник он не для друзей покупает. Я за ним. Поймала такси. Потом еще несколько раз провожала до твоего дома, вычислила квартиру... Ох, не выдержу я этого снова.

Я разлила еще по одной.

– А потом напилась с горя и отчаяния, заявила к тебе.

Рассмеявшись, покачала головой и запрокинула в себя рюмочку.

– Вот за что я своему бывшему мужу благодарна буду до конца жизни. Так за то, что мы с тобой познакомились и с Валею. Тогда я поняла в полной мере суть пословицы: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». И что теперь?

– Брось этот пессимизм. Еще ничего не известно.

– Да все понятно.

– Люба, хватит! Что ты себя настраиваешь отрицательно? Еще же ничего не произошло.

– Может у них там уже все произошло. То-то и оно, что я просто еще не в курсе. Черт, с ними со всеми, с мужиками этими! И без них проживу!

Сама взялась за бутылку и решительно разлила жидкость.

– Расскажи лучше про отпуск. Как все прошло? Как Олег себя вел? И как там заграница?

– Все отлично. Море голубое, чистенькое. Золотой песок, зной. Хороший номер, еда приличная. Обслуживание просто класс. Все для тебя. Приборку делают на совесть, нигде пылинки не найдешь. Полотенца заменят, халаты, белье постельное. А Олег, как обычно – сдержан, в

меру расслаблен, в меру добродушен и внимателен. И как всегда общается со мной будто я дите малое. Такое ощущение еще немного и в угол поставит за плохое поведение.

– Бросай его к чертовой матери! Понятно же, что не разведется он со своей женой.

«О! Пошла любимая песня, но после стольких рюмок неудивительно».

– А мне и не надо, чтобы он разводился. И так все хорошо.

– Ну, ладно это оставим. Но его отношение к тебе?

– Нормальное отношение. Оно у него ко всем такое. Кроме, понятное дело, людей выше его по положению и рангу. Это его обычная манера поведения.

– И как ты его терпишь?

– Не начинай. Я не терплю. В том то и дело. Мне интересно.

– Интересно?

– Да. Это же, как за границу съездить. Новый человек – новая местность. От каждого что-то свое узнаешь.

Люба слушала с настороженным интересом. Вроде как пытается понять, но происходило это, похоже, определенно большей долей сложности.

– Мы уже разговаривали об этом вроде. Я пыталась все объяснить. Разве нет?

– Да. Но... Не помню, чтобы именно эту теорию я слышала от тебя. Отношение, как к эксперименту что ли. Выйдет или не выйдет? Ух, ты, какой интересный кролик! Не находишь, что это не совсем правильно и честно. Не знаю даже как выразиться.

«Водочка погубит нашу дружбу. Потому что развязывает языки. И я уже говорю лишнее. Не всякие мысли можно выносить на общественно обсуждение».

Но градусы уже ударили по мозгам, и все эти предупредительные мысли пролетели в голове, не были осмысленны до конца и приняты к сведению.

– Неправильно? Очень замысловатая логика у тебя получается. То, что он изменяет своей жене, это в порядке вещей, можно. Ничего странного ты в этом не замечаешь. А то, как я отношусь к ситуации и нему, это уже неправильно. Да, если бы я так не относилась, семья их давно была бы разбита.

– погоди. Сейчас нагоним и разоведем эти мысли. Надо довести их до логического завершения, чтобы оставить все разногласия между нами в прошлом, – она еще разлила, поболтала остатки жидкости в бутылке, посмотреть, сколько осталось – было там немного, на один заход. – Вот, блин! Диспут не удастся в полной мере. Для развития мысли не хватает горючего. Пойдем до магазина? Или коньяком догонимся?

Я скривилась при одном упоминании о нем, замахала руками.

– Нет, только не эту бодягу. Если бы нормальный был, тогда ладно. Может, хватит на сегодня?

Любана похлопала ресницами обиженно, покачала головой с сожалением. С ее комплекцией такая доза выветрится быстро. А сегодня еще такой повод выпить, даже несколько.

– Друг еще называется.

– Правильно. Все верно – я друг твой сердечный. И не дам тебе явиться перед светлыми очами мужа в таком срамном виде. И испортить все самой.

Разлили остатки.

– Давай за любовь. Чтобы каждая из нас любила, была любима, чтобы это все совпало. И жили мы в мире, согласии...

– Ага, жили, пока смерть не разлучит нас всех. Аминь!

– Светка! Ну, что за язык! Язва ты.

– Да. Пей уже.

Посидели молча. Я достала из холодильника пирожные и сразу же отправила одно из них в рот. Вот оно – блаженство! Приплясывая, подошла к плите, включила конфорку и поставила на нее чайник. Сделав несколько пируэтов, выставила чашки на стол.

- Тебе чай или кофе?
- Давай кофе. А то что-то глаза слипаться начинают. Вроде и выпили немного. На двоих даже не целая бутылка.
- Это от стресса. Тебя догнало быстрее.
- Наверное. Или старость.
- Что за глупости мы тут несем?
- Почему глупости? Может правда, он нашел молодую, красивую, легкую, необремененную тяжелыми думами о семейном быте и тому подобном...
- Она смотрела на меня, будто видела впервые.
- Наблюдала за тобой сейчас. И начала понимать, почему Олег бежит от жены к тебе.
- И почему же? Расскажи, прямо самой интересно стало, – непонятное раздражение разлилось внутри. Да, конечно, все вокруг всё знают, понимают гораздо лучше меня. И не важно, что любовница я, а не миссис Психолог напротив.
- Отдыхает. А, если и решает проблемы, то для него они не шибко тяжелы. Можно потом и выпендриться, гоголем походить, – привстав, изобразила этого самого «гоголя», с гордо выпяченной грудью и очень серьезным лицом. В ее исполнении выглядело уморительно и самое интересное, что очень похоже на оригинал.
- Ты была сейчас на редкость близка к обычному образу Олега.
- И, не успев договорить фразу до конца, захохотала. Она, еще раз выпятив грудь, прошлась по кухне, но сама не выдержав, согнулась пополам от смеха и присела на табуретку.
- Ох, Светка! Как же я тебя люблю!
- И я тебя тоже люблю. Ну, что будем кофе пить, а то скоро остынет уже.
- Пусть стынет. Еще раз поставим. Хочу сегодня наговориться, насидеться с тобой. Может еще напиться...
- Ой, нет. Хватит на этот вечер. Решилась? Идем на дело?
- Лицо у подружки сразу суксилось. Оно и понятно. Одно дело говорить, потрясать кулаком и им же утирать слезы, гневаться. Подозревать и так далее, но на моей кухне. И совсем другое сделать, что собиралась. Не испугаться увидеть, то о чем только подозревала. Обратного хода не будет.
- Теперь уже не знаю. Я подумаю пару дней. Просто одиноко было, поговорить не с кем. Выложить свою печаль. Не маме же, в самом деле?
- Твоей маме? Боже упаси!
- Вот поэтому такой и настрой. А сейчас, скинув груз с души, не знаю, как поступить.
- Подумай, подумай пару денечков. Может и успокоится все или разрешится. Кто знает.

- Мы облизали пальцы и посмотрели на стол. Сладкое закончилось. Осталось пару бутербродов, но пока не хотелось.
- Фотографии показывай, давай.
- Конечно.
- Олег подарил мне на день рождения цифровой фотоаппарат, от которого я была в щенячьем восторге. Но он был уже не рад через пару дней отпуска, что такая затея пришла ему в голову. В поисках лучшего кадра я заставляла щелкать меня много тысяч раз.
- Я фоткала все, что попадалось под объектив.
- Нисколько не удивлена. Я помню, как ты меня мучила, когда его тебе только подарили. Не помню, чтобы я за всю жизнь столько фотографировалась.
- Пошли на компьютере посмотрим.
- Ага, – и подхватила все-таки бутерброд с тарелки.
- Про букет и конвертик я как-то позабыла, хотя не могла оторваться от него сегодня днем и медитировала в позе лотоса напротив.

Любания тоже оценила красоту. Розы были ее слабостью. Быстро запихнув остатки хлеба в рот, отряхнула ручки и обошла вокруг моей домашней оранжереи, сделав немалый круг по комнате. Лицо ее первые секунды было просто восторженно-изумленным. А потом видно завертелись винтики, приведя в движение механизм железной логики. Понюхав пару цветочков, потеревив немного их лепестки, сложила ручки на груди, выпрямилась и воззрилась на меня своим бухгалтерским взглядом – бескомпромиссным и строгим. Дебит с кредитом будут сведены любой ценой!

Сейчас начнется...

– Что опять оборванный капитан неведомого корабля пришвартовался в нашем порту?

Завелась, закипела. Вот какое ей дело? Пришвартовался и пришвартовался. Олег ей не нравится, Голландец не нравится... Ладно, успокоимся.

– Шутка твоя уже давно не так остра. Я не знаю.

– Как это не знаешь?

– Вот так. Обычно после появления такого вот подарочка он и сам появляется или звонит или как-то дает о себе знать. А в этот раз тишина. Цветы я обнаружила вчера, когда приехала. И все, больше ничего.

– «Уж полночь, а Германа все нет».

– Ты читаешь классику?

– Чего? Нет. Но это, же школьная программа, дорогая. Не такая уж я и темнота.

Над его именем Любания тоже часто посмеивалась. Необычное, нестандартное – Герман. Пройдись еще кружок, подружка нахмуривала бровки, терла подбородок. И с каждым мгновением все мрачнее и мрачнее смотрела на бедные ни в чем не повинные цветочки. Как они только не завяли под этим взглядом?

Я же прошла к компьютеру и решила не терять времени даром. Нажала большую кнопку, пошла приветственная картинка, легкая трель, потом появился фоновый рисунок. Подключив фотоаппарат, скачала снимки. Уже открыла первые. Эх, красотища! Теперь смотрю, и не верится просто, что там была на самом деле.

Обернулась. Те же насупленные брови и задумчивый взгляд, теперь уже устремленный на конверт и записку.

– И к каким выводам вы пришли Шерлок?

– Ты опять издеваешься?

– Нет. Просто. Интересуюсь, что тебя так впечатлило?

– И опять дразнишься этим? Как же его?

– Шерлок Холмс. Тебе бы еще кепку, как у него, и трубку в зубы. Нет, трубка это не для девочек. Лучше скрипку. Образ был бы полностью завершен.

– Ха-ха. Я оценила шутку. Мне, например, Василий Ливанов в этой роли очень нравится.

– Если он тебе нравится в этой роли, что же ты уснула через полчаса просмотра?

Она возвела глаза к потолку.

– Ну, наверное, устала. И нудновато для меня немного.

– Ага. Это же не «Санта-Барбара» и не бразильский сериал, где жизнь бьет ключом – измены, заговоры, потеря памяти, потеря ребенка, потеря жены, мужа, еще кого-нибудь или чего-нибудь.

– Вот дошутишься. Святое только не тронь. Хороший сериал был. Я смотрела все серии.

– Нисколько не сомневаюсь.

– Не поверю, что ты не посмотрела хотя бы одну серию из него.

– Видела, конечно, как и все. Куда ж без него. Еще мне нравился сериал «Девушка по имени судьба». Не помнишь такой?

– Нет. Не припомню что-то. Я их кучу пересмотрела.

– Иди фотки лучше посмотри.

Она плюхнулась на стул рядом со мной.

– Я вот на счет роз...

– И?

– Да, погоди сразу ошетиниваться. Странно как-то это все.

– Мне тоже так показалось.

– Не похоже это на твоего Голландца. У него же все не по-человечески. Все с выдумкой, с огоньком. А здесь, что мы имеем? Банальные розы. Даром, что в таком количестве. А ты рассказывала, как подошла однажды к своей квартире и у дверей несколько ведер с красными гвоздиками.

– Было такое. Я тогда немного обиделась сначала. Как будто я могила павшим воинам.

– Вот-вот.

– Как оказалось потом красная гвоздика символизирует страсть, пламенную чистую любовь. Пришлось долго ему тогда объясняться. Прислал в посылочке книжку через пару месяцев «Значение цветов».

– Или эти бледные непонятные цветочки в коробочке.

– Жимолость.

– Что они, кстати, означают?

– Узы, привязанность.

– Очень мило с его стороны.

– Мило, особенно, когда разобрать не можешь, что это за цветок.

Было это давно. Я еще жила в коммуналке. Сосед постучался в дверь, крикнув, не дожидаясь, что ко мне пришли. На площадке никого не было, только слышно торопливые шаги на лестнице. Хотела было посмотреть кто там, но задела что-то ногой. Оказалось небольшая картонная коробочка, перевязанная синей ленточкой.

Сомневаясь и осторожничая, развязала узелок, сняла крышку и заглянула внутрь. Какие-то маленькие бледные цветочки, немного подсохшие.

Долго ломать голову не пришлось, через пару часов раздался звонок.

– Привет.

– Привет.

Сердце сладко заныло. Так люблю слушать его голос.

– Получила подарок?

– Да. Понять только не могу что это?

– Это цветки жимолости.

– А я то думаю, что такое знакомое. У моей бабушки в огороде росла жимолость. Они обозначают что-то особенное?

– Все цветы несут в себе особый смысл. Эти – сладкие узы, привязанность...

Хорошие воспоминания. Может, стоит написать мемуары и на обложке написать «Вечное ожидание или почитай и не дай так же запудрить себе мозги».

Неужели я жалею? Нет. Не сожалею, ни об одной минуте своей жизни.

– Земля, Земля. Прием.

– Что? Ой, извини. Задумалась.

– Вижу уже, что поплыла в воспоминания. Только давай с пользой трать время. Дальше огласи по списку. Что еще было?

– Незабудки.

– Правда? И каков тайный смысл?

– Помни обо мне.

- На жалость давил, собака.
- Не удержавшись, прыснула в кулак.
- Наконец-то. А то я подумала, что ты будешь теперь весь вечер сопли по столу размазывать.
- Ничего я не размазываю, – попробовала возмутиться, подружка подняла руку, останавливая поток.
- Потом. У нас выяснение обстоятельств. А то я нас знаю, твой Голландец животрепещущая тема. Как начнем обсуждать, так и остановиться не можем.
- Ого... В тебе и вправду сыщик проснулся.
- Он есть в каждой женщине. Просто не все им пользуются. А иногда не очень умело пользуются.
- Понятно.
- Пока нет, но мы на пути к этому. Какие еще гербарии занесем в список?
- Так, дай Бог памяти... Тюльпаны на какое-то Восьмое Марта.
- Неужели, – она подняла бровь и скроила разочарованную мордочку. – Значит, зря я утверждала, что он такой банальщиной не занимается. Вполне мог и розы прислать.
- Ты ничего не понимаешь.
- Да, ладно! Ну, так просвети меня.
- Но я надула губы.
- Не скажу теперь.
- Вот наказание общаться с тобой, женщина. Я все равно посмотрю потом, книга вон на полке стоит.
- Тюльпан – объяснение в любви.
- Теперь я по-другому буду относиться к одним и тем же цветам, которые мне дарят неизменно каждый год. Но Валя совсем не осведомлен о таких тонкостях.
- Не важно. Главное, что у тебя уже настрой изменился.
- Уже в романтическую сторону.
- Это хорошо. Не поверишь, в последний раз я нашла на пороге квартиры корзину. А в ней лютики, много-много, уложенные на березовые ветки...
- Зря я посмотрела на нее в тот момент. Ностальгическое настроение тут же улетучилось, когда увидела выражение лица. Надо сказать очень скептическое.
- В баню, что ли приглашал? Попариться? Но про веники из лютиков я в первый раз слышу.
- Иди сама в баню со своими вениками!
- Ну, у меня только с этим ассоциируется березовый веник, – и в такой язвительной усмешечке расплылась.
- Березовый лист – это приглашение. А лютики – свидание. Понимаешь? Все вместе – приглашение на свидание.
- В баню все-таки?
- Слушай, что тебя заело на этой бане? Хочешь сходить? Так давай, я не против.
- Сходим, сходим.
- И вообще, что за допрос? Зачем ты все это выпрашивала?
- Она подперла щеку кулаком и задумчиво уставилась вдаль.
- Просто странно мне, что при всей своей изобретательности, он прислал просто тучу роз в корзине. Кстати, может в них какой тайный смысл тоже есть?
- Пожала плечами.
- Тут их несколько сортов. И разные цвета. Не знаю!
- Но раньше, же как-то тебе удавалось определить?

– Слушай, проще было. Тюльпаны трудно не узнать. В случае с жимолостью, он сам позвонил, подсказал. Тоже самое с гвоздиками и лютиками. Незабудка вполне узнаваема. А здесь? Прорва роз, все разные и могут иметь даже противоположные значения.

– Хм.

Теперь мы обе подпирали щеки кулаками, водка постепенно выветривалась.

Подружка вдруг повернулась объекту наших бурных обсуждений и осмотрела критически.

– А может их посчитать?

– Сразу видно бухгалтера.

– Причем здесь это? Слушай, а может все же не от него?

– А от кого? Так меня называет только он, больше никто. И людей знающих об этом прозвище мало, – задумалась на пару секунд. – Если ты не говорила Вале, то двое. Ты говорила?

– На фига? Нет. Не складно. Записка вроде от него, а цветы вроде как не от него.

– Да почему!

– Ой, курица!

– Я тебе дам курицу!

– Успокойся и не буянь. Меня напрягают два момента. Первый – отсутствие его фантазии, обычно вкладываемой в такого рода презенты...

– Ты меня сейчас просто убила. А попроще нельзя? Во мне еще водка, а она замедляет процесс мышления.

– У меня, наоборот, ускоряет. И второй: цветы тебе либо доставлял кто-то, либо оставляли у дверей. Так?

– Так.

– Значит, в квартиру не вламывались? Не открывали, то есть отмычками или еще чем. А здесь? Цветы неизвестно как в квартиру попали.

Люблю я свою подружку за материальный склад ума и чистый прагматизм. В голове начало проясняться, почему с самой первой секунды этот букет и вообще вся сцена показалась мне ненастоящей.

– Диверсия?

– Не сильна в военной терминологии, но мысль твою ухватила. Кто-то пытается выдать себя за твоего Летучего Голландца. Вопрос: зачем?

– Не знаю. Что с меня взять то? Девичью честь?

– Да кому она нужна! Нет, дело тут в нем самом. Я же тебе об этом толкую. Может через тебя хотят на него выйти? Узнать, где находится, что делает. Или еще что-то.

– Дохлый номер. У меня никаких его данных нет. Ни телефона, ни адреса, ни в интернете почтового ящика, куда можно письмо послать. Ничего. Тупик.

– Знаю я, знаю. Но они не знают.

– Они? Думаешь во множественном числе?

– Что я тебе гадалка? Они, она, оно, он. Это не важно. Его кто-то ищет, и хотят тебя заманить в какую-то ловушку. Располагают, хоть и неточной, информацией о вашей связи. Например, как он тебя называет. Что подарки может неожиданные сделать.

– Мать моя...

Любана тоже застыла, потерла глаза.

– Закрученный фильм получается. Засекреченный агент, которого ищет китайская разведка.

– Ерунда.

– Может и не ерунда. Наблюдали они же они за тобой столько времени. Не один год, похоже. Точнее за ним.

– Ничего не понимаю. Не верю я в китайскую разведку, напавшую на след английского шпиона. В нашем случае русского.

– Может отголоски прошлого? Ты же говорила, что он в девяностые с бандюганами почти со всеми за ручку здоровался. И с шишками в том числе. Теперь кто-то из них в бизнесмены подался, кто-то в администрации сидит, кто-то все еще на нарах. А кто и вышел уже. Должок за ним, поди есть?

– Через столько лет?

– Срок человек мотал, не мог, хотя руки чесались, свести счета. Ох, чует мое сердце, в гавно ты вляпалась, подруга, с этим своим Голландцем ненаглядным. По самые ... помидоры, короче. Век бы его не знать.

– Не нагоняй тоску.

– Ладно, не буду. Что делать собираешься?

– Нужно подумать и позвать дядю Витю с первого этажа.

Она вытаращила глаза.

– Зачем дядю Витю?

– Во-первых, убрать этот гербарий, – я простерла руку в сторону корзины. – Во-вторых, поменять замок надо. Надеюсь, что он еще не упился и вполне вменяем, чтобы это сделать.

– погоди, оставь своего Витю в покое. Валя завтра приедет и все сделает тебе в лучшем виде.

– Ага, а ночь я считай с открытыми дверями. Заходи, кто хочет, бери, что хочешь, делай, что хочешь.

– И зачем я сейчас столько распиналась?

– Давай объясни мне еще раз.

– И объясню, – она постучала указательным пальцем мне по лбу. – Сама подумай. Люди готовились, следили за тобой. Послали огромную корзину с цветами. Все это средства. Зачем? Чтобы потом тупо вломиться к тебе домой и пытаться или еще что? А забыла, может еще и дубликаты ключей сделали. Или ловкие домушники. Кто их знает. У тебя ключи не пропадали?

– Нет, вроде. Ничего такого.

– А могло быть такое, что у тебя их вытащили, сделали дубликаты быстренько и положили на место. Да так, чтобы ты не заметила ничего?

– Не знаю. Если по твоей версии я этого не заметила, то откуда мне знать?

– Где ты без присмотра надолго оставляешь сумку?

– На работе. Но там вечно ошивается куча разного народа. За всеми не уследишь. Да и некогда мне этим заниматься.

– Может кто из твоих коллег?

– Да, конечно. Это же всемирный заговор против бедного агента британской разведки.

И тут у нее зазвонил телефон. Мелодия была не слишком хорошо слышна. Мы начали оглядываться.

– Сумка на кухне.

Понеслись туда. Пошарив в недрах объемной сумки Любаня, выловила, заливающийся милой мелодией, аппарат, посмотрела на экранчик.

– Это Валя. Е-мое, уже почти двенадцать.

И торопливо нажала кнопку.

– Да. Прости, прости... Да. Засиделись, заболтались... Ага, я поняла. Жду тебя.

Голос нежный, звонкий, переливчатый, как маленький горный ручеек. И такой же безмятежный, с большой долей растерянности и осознания своей вины. Идеально.

– Актриса.

– Все женщины актрисы. Надо просто развивать талант.

Она уже перестроила свои мысли на дом и семью. И теперь озиралась по сторонам, высматривая, не оставила ли чего.

– Так. Значит, завтра Валя придет и поменяет замок. Мало ли, лучше перестраховаться. Ну, и гляди в оба. Скоро события должны повалить. Не зря же они с корзиной возились? Проявят себя. Может, ты у нас поживешь?

– Не говори чепухи. Ты же сама говорила, что ничего серьезного они мне сделают. Если бы собирались, то уже бы...

– Это не чепуха. Может все мои теории ничего не стоят. А может и в самую точку. Что тогда? Мне хоть спокойнее, когда ты на глазах всегда.

– И на работу с тобой ходить что ли?

– Нет. От этого пока воздержимся. Но говорю, недоброе что-то намечается. И даже непонятно толком что? И куда кидаться с этим?

– Может в милицию? Все-таки незаконное проникновение в жилище.

– И что? Они только посмеются и у виска повертят. Бабе сюрприз сделали, а она недовольна. Спросят тебя, а есть ли у вас мысли по поводу того, кто мог вам подобный подарочек сварганить. А ты такая и ответишь, что, возможно, это мой любовник. А они тебе вполне так резонно заметят, что это не их дело.

– Так мы с тобой решили, что это не он.

– Это мы так решили. И что? Но факт не доказан. И все выглядит вполне невинно и обыденно.

– Блин! Все, хватит. У меня мозг от твоих теорий кипит уже.

– Ты же журналист? Сама должна заковыристые истории и сочинять и распутывать. Без моего участия.

– Не успеваю за тобой.

Тут опять зазвонил телефон.

– Подъехал? Хорошо, выхожу.

Мы обнялись, поцеловались. Осмотрев меня долгим взглядом, будто благословляя, Любана нахмурилась.

– И еще. Завтра в течение дня шли мне сообщения, как ты жива, здорова, все ли спокойно на линии фронта.

– Есть, мой генерал!

– Давай без твоих шуточек. Я серьезно, а то волноваться буду. Если вдруг, какие вести, сразу звони. Поняла?

– Поняла. Что ты, как малому ребенку объясняешь. Беги, а то ждет ведь тебя.

– Подождет.

И еще раз поцеловав, вышла.

Захлопнув за ней дверь и закрыв ее на все замки, подумала и накинула цепочку. Хотя никогда этого не делала, просто было лень.

Потом повернулась и, привалившись спиной к двери, кинула взгляд вглубь коридора. Везде горел свет, но ощущение звенящей пустоты и одиночества вдруг накрыло огромной волной, заставляя поежиться. Обычно такое состояние у меня не часто. К этому горькому коктейлю сейчас примешивался еще и страх, добавляя свою особенную нотку.

Пройдясь по комнатам, выключила везде свет, оставив гореть только лампочку на кухне. Может, стоило согласиться на Любино предложение и пожить у них? Нет. Что за детская трусость? Тем более даже толком не зная, что происходит.

Зачем послали этот букет? Зачем от имени Голландца? Чего ждут от меня? Каких действий? Или, наоборот, подготавливают к дальнейшему развитию сценария? Возможно, и то и другое. Работают на удачу. Ожидают, что сама наведу их на след или способ связи с Германом.

Или... Он сам следит за мной, так же, как и они. И я просто подсадная утка, приманка, для обеих сторон. Маленькая белая пешка, которая даже и не осознает, что участвует в чужой, опасной игре. Ход, снова ход. Думаешь, что сама их сделала, а на самом деле кто-то уже все рассчитал заранее. И лишь ожидал, в каком направлении я двинусь, наблюдают результаты.

Кажется, все эти теории слишком взбудоражили мой ум. Успокойся. Как говорит наш главный редактор: «У нас не желтые листки, девочка. Факты, только проверенные факты». Основываемся только на фактах.

Несколько версий.

Это Олег. Бред изначально. Можно сразу отмести данную версию. Какой бы заманчивой и простой она не казалась.

Это Летучий Голландец. Тогда по логике вещей в ближайшие дни он должен объявиться. Подождем.

И это кто-то еще, мне совершенно неизвестный. Страшновато? Немного. Пока не знаешь чего бояться, лучше не придумывать лишнего.

Подойдя в темноте к окну в гостиной, отдернула занавеску. Сначала невидящим взором обвела двор с детской площадкой. Дверца на балкон была открыта, повеяло ночной прохладой, что немного отрезвило. С улицы доносились обычные звуки: редко проезжающих по шоссе машин, где-то далеко веселые голоса, загулявшей компании, одинокие шаги, шелест листвы, что не слышен днем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.